

АВГУСТИН АНГЕЛОВ

КОГДА
ПРОРОЧЕСТВА
СБЫВАЮТСЯ

З ⊕ ∇ R ⊗ X

После Великой Войны многое изменилось. Прошли века, и пророчества начали исполняться. Сможет ли новый Пророк, в которого одновременно всееляются попаданец из нашего времени и волшебник из другого мира, противостоять злу и повести за собой всю Сибирь?

Все вокруг сотрясало от ударов мощнейшего оружия. Никто не хотел верить в случившееся. Но, худшее все-таки произошло. Ядерная война была в самом разгаре. Ракеты стратегических сил ушли на цели ответно-встречным ударом. Последние ходы в Большой Игре были сделаны. Глобальные игроки в едином порыве смахнули все фигуры, в качестве последнего аргумента начав бить друг друга условными шахматными досками. И изменить что-нибудь уже не представлялось возможным.

Бункер внутри горного массива дрожал, железобетонные стены и перекрытия массой в тысячи тонн ходили ходуном. Где-то конструкции не выдерживали очередных попаданий и обрушивались, погребая персонал под толщей породы, бетона и металла. Там, где еще что-то уцелело, выли сирены и метались люди по тоннелям. Взрывы уничтожали разные сектора, но убежище для правительства строили много лет и выстроили настолько масштабным, что разрушить его целиком оказалось совсем не так просто. Тем не менее, противник добивался уничтожения этой цели. Ракетные атаки следовали друг за другом волнами. Противоракетная оборона кое-как справлялась лишь с первой, а потом перестала существовать. С каждым ударом вероятность остаться в живых все уменьшалась даже для первых лиц, расположившихся внутри помещений высшего уровня защиты под километровой толщей природного камня и прочнейшего железобетона.

Неверный мигающий свет фонарей аварийного освещения едва прорывался сквозь дым, гарь и пыль, наполнившие длинные коридоры подземелий. Автоматизированные системы пожаротушения, вентиляции и фильтрации воздуха уже не справлялись, а радиация проникала внутрь. Мертвые и умирающие люди заполнили пространство разрушающихся секторов убежища. Многие сторали заживо, а то и просто испарялись в страшном огне атомных взрывов, а живые завидовали мертвым, очутившись в ловушке этого ада, где плавился даже камень.

Но, в Центральном храме пока ощущалось лишь подрагивание пола и стен, да слышался отдаленный грохот разрывов. Главное убежище построили настолько прочным и с такой многоуровневой защитой, что храм все еще стоял, хотя во всех секторах вокруг него уже царил хаос. Иконостас подземной церкви, предназначенной для самых главных представителей власти, сделали невероятно роскошным, с иконами, отделанными золотом и бриллиантами. Но, и это не помогло тем, кто молился там, докричаться до Господа. Не в силах уже ничего изменить и ни на что повлиять, они бессильно продолжали молиться, когда очередное попадание термоядерного заряда все-таки добралось до этого помещения высокотемпературным языком пламени, слизав за миллисекунды жизни тех людей, от решений которых до этого момента зависела судьба огромной страны, вступившей почти без союзников в противостояние с половиной государств планеты.

* * *

Где-то в другом мире волшебник отбивался от тьмы, задействовав все свои способности, он оборонял Белый Город, последнюю твердыню Сил Света, посылая во врагов молнии с высокой башни. Но, войска темного властелина все-таки наступали. Устроив осаду, они закидывали обороняющихся огромными камнями при помощи катапульт и ломали ворота железными таранами. Жестокое сражение под древними городскими стенами длилось уже не один месяц, когда прилетел дракон, а на нем восседал черный маг, наместник темного

властелина. Он и направил драконий огонь, усиленный магическим ударом прямо в сердце волшебника, а тот, уже сильно уставший от долгой битвы и растративший былую мощь, не успел отразить нападение. Поняв, что погибает, в последний момент он все-таки задействовал древний зачарованный артефакт из золота и самоцветов, висящий на шее, что позволило сохранить душу и мгновенно перевоплотиться. Вот только еще узнать бы, куда попал?

* * *

Я проводил рекогносцировку на переднем крае линии боевого соприкосновения, когда вражеский снаряд разорвался рядом с нашим наблюдательным пунктом, и осколки полетели прямо в меня. Бронежилет разворотило. Боли не успел почувствовать, просто потерял сознание. Последней мелькнула мысль, что я убит. Длинный туннель и свет в конце него — это все, что я запомнил, когда очнулся. Вот только не я уже это был, а кто-то другой. Я же четко понимал, что погиб там, под Донецком.

Глава 1

Холодный ветер дул с полуразрушенных гор, над которыми почти всегда висели низкие темно-серые облака. Там находился запад, а горы звались Уральскими. Это название сохранилось со старых времен, с давней Великой Войны, которая разделила эпохи. Когда-то от этих гор тянулась тайга. Но, после Великой Войны от тайги предгорий остались только обугленные пни на песчаных холмах. И эти пни еще не все развалились в труху, некоторые почти окаменели и крошились очень медленно, многими веками. Отдельные из тех пней еще можно было увидеть, когда сильные ветра вызывали песчаные бури, и дюны под мощным напором ветра меняли свое положение. Но, часть тайги все же выстояла. Ее теперь называли Диким Лесом. И этот лес тянулся от песчаных предгорных пустошей, заканчивающихся недалеко от реки Оби, до самого Енисея.

Деревня Дружковка находилась ближе к Енисею, расположившись на берегу одного из его многочисленных притоков. А сам Енисей все так же, как и в старинные времена, нес свои воды к Холодному океану, который раньше называли Ледовитым, но после всех изменений климата, произошедших после Великой Войны, почти все льды в нем растаяли. И люди стали звать этот северный океан просто Холодным.

Трое крестьян тащились по обледенелому тракту. Ледяной ветер бил им в лица снежными зарядами, состоящими из снежинок серого цвета. А их лошадь черной масти по имени Смуглянка, тащившая сани с углем по грязно-серой дороге, еле ползла против воздушного потока. Они двигались от карьера, где совсем недавно обменяли в поселке у шахтеров остатки прошлогоднего урожая картошки на топливо. Зима на этот раз затянулась на целый месяц. И уголь, которым крестьянская семья топила печь в избе, кончился раньше времени. Старые люди говорили, что климат Сибири после Великой Войны сильно изменился. Зимой теперь морозы не были такими суровыми, как когда-то раньше, а снега выпадало значительно меньше. Но, все равно, зимой было холодно.

Топить приходилось углем, потому что деревья после Великой Войны так сильно изменились, что их древесина перестала гореть. Это и порождало вечные проблемы с топливом, зато теперь в Сибири не стало лесных пожаров. Да и поля значительно меньше горели, потому что и большая часть трав тоже приобрела подобные свойства. Травы сделались непомерно водянистыми. Благодаря этому вокруг постепенно стало гораздо меньше болот, потому что водянистые травы отлично впитывали воду из почвы, зимой превращаясь в острые, вертикально торчащие иглы, напоминающие сосульки наоборот.

Бледное солнце светило сквозь сероватую облачную пелену. Причем, облака расходились крайне редко даже под сильным ветром. Порывы, несущие колючие снежные заряды прямо в лицо, налетели на Любу, сорокалетнюю мать семейства Илларионовых, прижимая пушистый мех лохматой шапки к ее глазам. Отчего женщина постоянно поправляла головной убор рукой в рукавице, связанной из простой серой шерсти. Рядом с матерью шел ее старший шестнадцатилетний сын Петя. Он уже давно помогал по хозяйству. Его старый зеленый ватник продувало насквозь. А ноги в прохудившихся валенках окоченели.

Паренек думал о том, что хорошо было бы одеться потеплее. Вот только их семья не отличалась зажиточностью. Носили они всегда то, что имелось. Но, не роптали. Так учил отец. И Петя знал с малолетства, что роптать и жаловаться на судьбу не годится, потому что

настоящий крестьянин должен уметь бороться с невзгодами. Уж, такова крестьянская доля. Щурясь от ветра, Петя посмотрел на отца.

Глядя на своего родителя Еремея, широкоплечего мужчину высокого роста, Петя все еще чувствовал себя маленьким и несмышленным, хотя уже догонял отца по росту. Вот только плечи у Пети все еще оставались узкими. И до отцовской удали ему было пока далеко. Когда они сворачивали с тракта на лесную дорогу, сильный порыв ветра едва не выдернул поводья из рук отца, и лошадь взбрыкнула, едва не перевернув сани с углем.

Ветер выл в черных кедрах, которые теперь составляли основу леса, почти повсеместно заменив собой обычные сосны. Черные кедры были выше сосен и ветвистее, хвоя их имела темно-серый цвет, а древесина была внутри черной и не горела. Видимо, так лес приспособился самостоятельно бороться с пожарами, которые чуть не стали причиной его полной гибели во время страшной войны. В лесу завывал ветер в вершинах, но среди толстых стволов, между которыми петляла дорога, ветер чувствовался гораздо меньше.

Вдруг, где-то вдалеке Пете послышался вой. В последнее время в окрестностях их деревеньки стало беспокойно, в лесной чаще расплодилось разное. Едва услышав отдаленные завывания, отец достал из-за спины большой лук. Петя тоже приготовил свое оружие. Его лук был меньше отцовского, но бил достаточно точно. Во всяком случае, ближе, чем на полсотни шагов враг не подойдет. Иначе получит стрелу. Даже если то будет свирепый волкобьяк.

Старики рассказывали, что когда-то до Великой Войны водились отдельно собаки, отдельно волки. И эти два вида животных не смешивались между собой. Волки обитали в дикой природе, а собаки жили подле людей. Но, после войны все переменялось. Не стало ни собак, ни волков. Зато появились волкобьяки, которые отличались свирепостью волков и сообразительностью собак, а размерами вырастали гораздо крупнее. Говорили, что раньше в тайге только медведи имели подобные массу и силу. Да еще и невероятной хитростью обладали эти хищные существа. Они не боялись нападать на людей. И каждый ребенок с самого раннего возраста точно знал, что волкобьяки очень опасны, в любой момент могут выпрыгнуть откуда-нибудь и сожрать.

У матери тоже имелся лук, хотя он был даже поменьше, чем у Петра. Но и она умела неплохо пользоваться оружием. Все крестьянские женщины умели, потому что им часто приходилось обороняться. И не только от зверья. Разные твари попадались в тайге. Были среди них полулюди-полужвери, которых называли муданами. Водились в лесах еще и лешие вместе с ведьмами. Попадались и гнобы, маленькие злобные карлики с лицами землистого цвета. И говорили старики, что все это создания тьмы. Петя не сомневался, что так оно и было на самом деле.

В деревне давно утвердилась религия Ду, которая гласила, что Свет и Тьма равны в своей силе. И вечное противоборство между ними движет миром. Что Господь и Сатана ведут между собой постоянное сражение за власть над Вселенной, которое проявляется во всем сущем. И каждое существо, наделенное волей, выбирает свою сторону в этой вечной битве двух начал мироздания. Этой религии придерживались и в семействе Илларионовых.

Вой раздался снова, на этот раз дальше. Отец убрал свой лук обратно за спину и сказал: — Кажется, волкобьяки на этот раз достаточно далеко. Вой доносится до нас издали вместе с ветром. И похоже, что они двигаются в другую сторону. Они не могут сейчас нас почуять. А пока ветер переменится, мы уже пройдем открытое место и доберемся до деревни. Но, я обязательно предупреджу наших охотников, что снова слышал завывания

недалеко от Дружковки.

Смуглянка насторожилась, но по-прежнему продолжала равномерно переставлять копыта и тащить сани. Мать пошла рядом с ней, успокаивая лошадку добрыми словами и поглаживаниями. Вскоре вдаль показались дымки над избами родной деревушки, заметенными серым снегом по самые окна. После успокоительных слов отца, Петя тоже убрал оружие, перекинув свой лук за спину. Но, он продолжал внимательно смотреть по сторонам.

Ему почему-то казалось, что кто-то наблюдает за ними. Неприятное чувство возникло еще на лесной дороге сразу же после первого завывания волкобяка, и оно не покидало Петю даже тогда, когда они уже въехали в деревенское предполье, оставив лес позади. Ощущение даже усилилось, что заставило парня все-таки обернуться назад. И он застыл, как вкопанный, не веря своим глазам. Высокое худое существо в длинном сером пальто стояло под одним из черных кедров и пялилось на него. Посередине его лба горел один большой желтый глаз, а на голове торчали рога. Петя почувствовал такой сильный страх, какого не испытывал еще никогда. Парень закричал. Отец сразу схватился за лук, а мать остановила вздрогнувшую Смуглянку. Оба родителя обернулись на вопль сына. Но, никого не было. Тот, кого увидел Петя, уже исчез, мгновенно нырнув обратно в лес. В тених, отбрасываемых черными кедром в неверном свете пасмурного зимнего дня, сквозь сероватую пургу рассмотреть что-либо не представлялось возможным.

— Кого ты там увидел, сынок? — спросила мать.

— Я заметил тварь, которая нас преследовала, — проговорил Петя.

— И где же она? — спросил отец, внимательно глядя в сторону леса.

— Была там, но удрала в лес, — пробормотал парень.

— И как эта тварь выглядела? — поинтересовался родитель.

— Как черт с рогами, но только с одним глазом. И он в серое пальто одет, — ответил Петя.

Мать повела лошадь с санями дальше в деревню, а отец с сыном, приготовив луки к стрельбе, вернулись, чтобы поискать следы. Но, их не было. Когда отец внимательно взглянул на сына, Петр стал оправдываться:

— Я видел, что он был. Вот здесь стоял, под деревьями.

Вопреки ожиданиям Пети, отец не стал бранить его, лишь сказал загадочно:

— Я верю тебе. Иногда наступают дни, когда приходят Мороки. Они умеют исказить природу вещей, морочат людей и сбивают с пути. Вот только давно не появлялись подобные твари в наших краях. Не к добру это.

Внезапно Петя вспомнил, чем еще одноглазый чертяка, одетый в пальто, показался необычным. Он имел странную прозрачность, совсем не характерную для живого существа. И сквозь его силуэт отчетливо проглядывал ствол дерева позади, на фоне которого рогатый стоял. Когда парень рассказал об этом отцу, тот ответил:

— Значит точно, что ты видел морока. Они могут казаться и полупрозрачными. Это очень опасные твари.

— Так эти мороки вроде призраков? — спросил Петя.

Еремей объяснил сыну:

— Не совсем. Они мастера иллюзий и умеют воздействовать на восприятие людей, что называется отводить глаза. Но, когда доходит до боя с ними, то выясняется, что твари вполне материальные. И их можно убить. Трудно, но можно. А трудно потому, что они очень быстрые.

Отец замолчал, вернулся к саням и взял из рук жены поводья Смуглянки. Нужно было ее контролировать. Хоть лошадь и шла всю дорогу в наглазниках и накрытая теплой меховой попоной, но при очень сильных порывах колючего ледяного ветра все равно мотала головой, а то и взбрыкивала. Сами крестьяне лучше переносили непогоду, чем их домашние животные, которым требовалось даже больше заботы, тепла и еды, чем людям. После всех потрясений, которые пережила планета, поголовье полезной скотины катастрофически уменьшилось и восстанавливалось очень медленно. И теперь каждое домашнее животное имело еще большую ценность, чем в старые времена. Потому о своей лошадке надлежало заботиться крестьянской семье не меньше, чем о собственном ребенке.

Остаться безлошадными означало потерять социальный статус и опуститься почти на самое дно. Ниже на лестнице сословий находились лишь холопы и бездомные. Холопы не были рабами, скорее наемными прислужниками. По бедности они часто сами себя продавали в услужение за безопасность, еду и кров, становясь батраками у более зажиточных крестьян. Конечно, положение холопов мало отличалось от рабства, вот только покушаться на их личную жизнь все-таки никто не имел права. А люди бездомные, хоть и сохраняли полную свободу, но вынужденно скитались по миру без всякой защиты, когда любой более сильный мог обидеть или даже убить безнаказанно. В отличие от них, за крестьянина, даже за батрака, всегда вступалась община, которая представляла собой дружный коллектив землепользователей той или иной местности и решала все сообща на народном вече.

После Великой Войны постепенно сложилось так, что жители каждой сибирской деревни раз в три года выбирали себе старосту, который по всем важным вопросам обязан был советоваться с народом, регулярно созывая местный сход глав семей. Причем, каждый глава семьи обладал своим собственным авторитетом и правом голоса. За те или иные решения крестьяне общины просто голосовали большинством голосов, записывая на бумаге поименно, кто и за что проголосовал. Ответственность за решения делилась на всех.

Волостные старшины созывали на вече старост деревень. Да и в городах тоже имелось подобное самоуправление. Там каждая ремесленная гильдия и каждый квартал обладали собственным вечевым управлением. Но, только в мирное время. Когда становилось беспокойно и возникала реальная угроза вражеского нашествия, то в главном городе Сибирске выборными старшинами принималось особое решение, и власть переходила к

выборным воеводам, обладающим всеми необходимыми полномочиями для организации ополчения и отпора врагам всем миром. Так в последние века и жила Сибирь.

Когда Илларионовы продолжили движение, приближаясь к своей деревеньке, Петр не перестал озираться вокруг. Паренек, обеспокоенный появлением морока, напряженно всматривался в окружающий пейзаж, замечая, что видит все немного по-иному, чем до этого события. Хотя вокруг, конечно, все было отлично знакомо, но, теперь Петя смотрел на каждую деталь пейзажа так, словно видел знакомую местность впервые, как будто бы очнувшись от долгого сна. Словно бы нечто внезапно включилось внутри него от сильного испуга и прояснило восприятие реальности.

В Дружковке Петя родился и вырос. Уже малышом он оббегал все окрестные поля, а когда немного подрос и окреп, то мать стала брать его с собой в лес собирать нехитрые съедобные дары природы: большие белые ягоды костеники и синие грибы колесники. Последние назывались так из-за того, что шляпка каждого из них напоминала колесо с многочисленными спицами, лежащее плашмя на оси грибной ножки. А колючие кусты костеники, как говорили, прорастали на костях. Впрочем, эти крупные белые ягоды удлинённой формы обладали отменной сладостью, а синие грибы вполне годились для засолки, маринования и даже для жарки с картошкой, которая оставалась основой рациона жителей Сибири все эти века тяжелых испытаний, выпавших на долю народа после Великой Войны.

По мере того, как Петр вырастал, в их семье появлялись братья и сестры. В крестьянских семьях из каждого ребенка старались вырастить помощника по хозяйству. И чем больше будет помощников, тем лучше станет развиваться хозяйство. Все это знали, а потому и рожали по десять детей в семьях, а то и больше. Вот только болезни уносили жизни малышей довольно часто, потому братьев и сестер осталось у Пети к шестнадцати годам немного: двое братьев Глеб и Иван, да две сестры Ирина и Наташа. Все они были младше Пети. Глеб младше на год, Иван — на три, Ирина — на два, а самой младшей Наташе только двенадцать исполнилось. Были в семье и другие дети, еще пятеро, да не дожили. Четверо умерли в младенчестве от хворей, а одного ребенка утащил волкобяк. Вот и осталось их три брата, да две сестры.

Вскоре сани с углем приблизились к околицкой засеке, построенной вокруг деревни несколько веков назад еще теми лихими людьми, которые основали Дружковку. Основателей называли сибирскими казаками, но точно никто не помнил уже, в каком войске они служили. Знали лишь, что они были людьми военными, много повидавшими на своем веку, и после всех войн, через которые прошли, желавшими покоя и уединения. Место на небольшом холме в излучине речки с крутыми берегами понравилось их атаману, которого звали Михаилом. На этом месте тогда, триста лет назад, уже жили какие-то поселенцы. Правда, вместо деревни в те времена на холмике стоял только небольшой хуторок из двух-трех домишек. Те казаки, которые пришли поселяться, могли бы легко вырезать всех хуторян, чтобы завладеть их имуществом. Но, они не стали делать ничего подобного, наоборот, предложили местным подружиться и жить в мире, помогая друг другу. Потому так и назвали деревню, в честь дружбы пришлых и местных.

Проезд по мостику за околицкую засеку через замерзшую речку охранял в этот день старый казак Афанасий со своим огромным бойцовым котом Рыжиком. Инвалид, потерявший в боях половину левой руки, все еще считал себя годным к охранной службе. Тем более, что он мог за себя постоять и одной рукой, потому что был сабельным бойцом

отменной выучки. И проколоть брюхо неприятно или даже срубить ему голову с плеч для этого высокого человека с большими усами, вся молодость которого прошла в боях, не составляло труда. Засака, которую охранял ветеран, сидя в деревянной будке возле моста, похожей на маленькую избушку, отапливаемую небольшой печуркой, представляла собой стену из вкопанных бревен, торчащих из земли в два человеческих роста над крутым берегом речки вдоль всей речной излучины и заостренных наверху. Главный тракт шел с другой стороны в глубину излучины, где на холме стояла Дружковка, через единственный сухопутный перешеек, перекопанный рвом. А тот деревянный мостик, через который переправилось семейство Илларионовых, находился с противоположной стороны от главного деревенского въезда.

У Афанасия имелся свой собственный боевой зверюга размером почти с лошадь, которого называли бойцовым котом, хотя, скорее, то был самый настоящий тигр. На его широкой откормленной морде с коричневыми полосками на фоне яркой оранжевой шерсти выделялись зеленые глазища с вертикальными зрачками и большие белые усы. Иногда кот зевал, демонстрируя длинные клыки, которые в сочетании с мощными острыми когтями не сулили врагам ничего хорошего. В драке Рыжик был страшен. Однажды он загрыз нехилого волкобьяка, бросившись в погоню, спасая малыша, которого лесной зверь утащил прямо с деревенского поля на глазах у матери. Ребенка, впрочем, волкобьяк все-таки загрыз, но и сам поплатился жизнью, когда Рыжик догнал его и перегрыз горло.

К людям огромный кот относился уважительно. Он обладал достаточным разумом и всегда слушался хозяина, вырастившего его. Рыжик понимал человеческую речь и даже умел кивать головой в знак согласия или отрицательно качать ею в ответ на вопросы. А еще он умел мяукать с разными интонациями. Вот только не говорил. Афанасию даже кормить своего огромного кота не приходилось. Когда хозяин спал, Рыжик убежал в лес на охоту, сам наедался там дичью, да еще и хозяину угощения приносил. То дикую курицу размером от головы до хвоста в три локтя притащит, то гигантскую куропатку, которая ростом с десятилетнего ребенка, то поймает бобра какого-нибудь тоже немаленького, а однажды даже годовалого медвежонка притащил с охоты.

Очень полезный зверь этот кот. Казак привез его в родную деревню из своих далеких странствий, когда после ранения возвратился к своей семье. Афанасий рассказывал, что где-то далеко на юге такие создания водятся. Но в Сибири такой большой кот, конечно, чужаком выглядит. Сначала не только все обычные кошки и коты в Дружковке Рыжика боялись, но и местные жители косо глядели на такую зверюгу. Впрочем, быстро привыкли, поняв, что деревенским обитателям бойцовый кот никакой угрозы не представляет, а, наоборот, защищает их. Проходя мимо, многие деревенские жители, особенно дети, норовили погладить пушистый оранжевый мех, а здоровенный кот отвечал громким мурчанием, словно бы был самым обыкновенным домашним котиком. И на этот раз Петя не удержался, подойдя к Рыжику и погладив его за ушами, отчего гигантский котяра свернул свой рыжий хвост калачиком и довольно заурчал. Любил он всяческие проявления ласк и ластился к людям с удовольствием. Сама доброта, если не знать про страшные клыки и когти.

Поглаживая большое животное, Петя невольно возвратился мыслями к существу с рогами, увиденному возле леса. Отец сказал, что это морок. Значит, исчезнув в одном месте, он может появиться где-нибудь в другом, раз уж завелся недалеко от деревни. Котяра перестал мурчать и посмотрел на Петра так, словно бы прочитал его мысли. И парню даже показалось, что огромный кот кивнул ему. Неужели же животное может мысли читать, да

еще и подтверждать, что догадка верна?

Внезапно отец сказал маме:

— Люба, отведи сама Смуглянку домой, а мы с Петькой ходим прямо сейчас к старосте. Надо рассказать о волкобяках в лесу, да о том мороке, которого сын углядел.

Большая изба старосты Елисея Голованова находилась на другом конце деревни по главной улице. И Петя сразу же направился туда вместе с отцом, как только мама увела лошадь с санями вправо на боковую улочку, ведущую к их собственному дому. Они шли мимо самых старых деревенских построек, просторных изб, срубленных из толстых бревен еще первыми поколениями жителей Дружковки. У каждого дома имелся участок для хозяйствования, обнесенный забором.

Те казаки, которые построили деревню три сотни лет назад, выделили каждой семье по участку сто на сто шагов. И каждый из этих участков давно уже был обнесен забором с воротами и калитками. Сами дома пристраивали вплотную к улице, словно часть забора. Так делали для того, чтобы занимать меньше земли на участке.

Они с отцом проходили мимо потемневших от времени изб старейших деревенских семей, крыши которых были выложены тяжелой и прочной корой черных кедров, которая не горела и не намокала, обладая и другими полезными свойствами не разбухать от воды и держать тепло. Между домов и высоких заборов холодные порывы ветра не так чувствовались. От протопленных изб исходило тепло, а изнутри из всех дворов слышались звуки, которые издавала скотина, да деревенская малышня. В последние годы, после наглых нападений волкобьяков, умудрившихся пару раз пролезть сквозь прорехи в засеке, совсем маленьких детей без сопровождения взрослых с участков в Дружковке не отпускали.

Только достигнув возраста семи лет, ребята получали право ходить по деревне самостоятельно, но за засечную черту без родителей выходить можно было лишь тем, кому уже исполнилось двенадцать. Считалось, что с этого возраста ребенок уже становится вполне разумным, способным вовремя обнаружить опасность, а если нужно, то и постоять за себя. За соблюдением этих правил следили не только родители, но и охранники на постах, которые легко могли надрать нарушителю уши. Вид Пети показался отцу хмурым и растерянным от пережитого испуга. Чтобы подбодрить паренька, Еремей сказал:

— Помни, сын, что мы всю жизнь сражаемся с тьмой. А тьма хитра и коварна. И она умеет принимать разные формы. Но ее бояться нельзя, потому что через страх она проникает в душу. И ты должен побороть страх внутри себя.

— Это легко сказать, но трудно сделать, — возразил Петя, который, обычно, старался не перечить отцу. На что родитель заметил:

— А я и не говорю, что побороть свой страх легко. Но, это необходимо. Просто, чтобы выжить. Иначе тьма будет грызть изнутри, пока не сожрет всю душу.

— И как же мне побороть страх? — спросил сын у отца.

Еремей посоветовал:

— А ты мысленно выжигай страх внутри себя белым огнем. И пусть белое пламя горит в твоём сердце.

— И за счет чего оно будет гореть? Там, внутри моего сердца, вряд ли есть уголь или горючее масло для фонарей, — пробормотал Петя.

— А ты просто поддерживай это горение своими помыслами. Больше никакого топлива и не нужно сердцу, кроме благих мыслей. Так учат монахи Ду, — проговорил Еремей.

Петр знал, что его отец хранит в себе какие-то тайны о собственном прошлом. Если мать родилась и прожила всю жизнь в Дружковке, то отец был пришлым человеком,

который женился на местной девушке и осел в деревне. Вот только он не любил рассказывать о собственной молодости. Все знали о нем лишь то, что когда-то давно он служил где-то. Не то в городской страже Сибирска, не то даже на южной границе, где всегда было беспокойно. В Дружковке он считался самым метким лучником, да и на саблях драться умел лучше всех. Даже двумя саблями одновременно мог орудовать. И детей своих, конечно, с малолетства обучал воинскому искусству. Петя преуспел в стрельбе из лука, а вот на саблях драться совсем не любил. А оба его брата, наоборот, преуспели в упражнениях с саблями, зато стреляли из луков гораздо хуже старшего брата. Сестры тоже учились обращаться с оружием и из луков стрелять, только вместо сабельного боя отец обучал девочек искусству сражаться на ножах.

Вообще, в каждой крестьянской семье родители обучали детей тому, что знали и умели сами. Ведь им нужны были самые настоящие помощники, способные подхватить заботы, связанные с ведением хозяйства, если кто-то из взрослых внезапно заболит или погибнет. Потому уже к двенадцати годам деревенские дети умели делать по хозяйству почти все то, что и родители. И, если родители сами были грамотными, то и дети к этому возрасту уже умели читать, писать и считать.

Грамотность передавалась из поколения в поколение. Хотя никакой центральной школы в Дружковке не имелось, но все жители деревни знали алфавит, арифметику и даже приблизительную историю родного края за последние три сотни лет. Да и некоторые древние события всем были известны. Например, даже маленькие дети со слов родителей уже имели представление, что состоялась когда-то Великая Война, которая привела все человечество к катастрофе. А потом еще много веков уцелевшие люди пребывали в совершенно диком и агрессивном состоянии, постоянно ведя между собой маленькие, но ожесточенные войны.

Родители рассказывали Пете и остальным своим детям, что люди выживали в те древние времена небольшими непримиримыми бандами, став, по сути, разбойниками. Они вели кочевую агрессивную жизнь в борьбе за ресурсы старого мира, которые еще можно было отыскать какое-то время после катастрофы. Великая Война была очень страшной. Враждующие стороны применяли в ней гибельный небесный огонь, который выжигал даже огромные города, полностью построенные из камня. И природа после окончания той свирепой войны сделалась очень суровой. Много возникло опасных проклятых мест и старых развалин, выжженных небесным огнем, где люди не могли находиться, а если ходили туда или пользовались предметами, найденными там, то умирали в страшных мучениях.

Многие животные тоже в ту войну погибли. Леса сгорели. Да и посевы на многих полях не всходили потом долгие годы, а если и всходили где-нибудь, то сильно расплодившиеся ядовитые сорняки губили урожай. Повсюду свирепствовали не только моровые болезни, но и лютый голод. Доходило до того, что некоторые люди даже ели друг друга. И так продолжалось несколько веков, пока предводители самых крупных сибирских сообществ не сообразили, что легче все-таки выживать сообща. Потому выжившие снова начали объединяться в племена, а всех людоедов и разбойников стали безжалостно убивать. Так постепенно появились мирные крестьяне, которые находили более или менее чистые участки земли и селились на них. Они научились вместе защищаться от врагов, возделывать посевы, заново приручать животных и создавать первые сельские общины. А потом уже и города снова в Сибири начали строить.

Вот только никто точно не мог сказать, сколько же именно времени прошло с Великой

Войны. Некоторые мудрые старцы считали, что прожили люди с тех пор не так уж и много времени, всего каких-то двенадцать веков, а другие говорили, что та война, разделившая эпохи, состоялась целых пять тысяч лет назад. Петя давно понял, что никто ничего толком о прошлом и не знал. А время в Сибири отсчитывали от момента основания города Сибирска. И получалось, что с того дня прошло пятьсот двадцать три года. В сущности, с тех пор сменилось всего десять поколений, если считать, что большинство крестьян доживали до пятидесяти с небольшим. И только редкие отдельные старики дотягивали до семидесяти лет.

Староста Елисей Голованов был как раз из таких могучих стариков, которым суждено прожить дольше других. В свои шестьдесят четыре года он еще сохранял мужскую статью, держал спину прямой и твердо стоял на ногах. Широкий в плечах и мускулистый, он не совсем утратил прежнюю силу и не казался немощным. Да и взгляд его крупных голубых глаз с возрастом не потускнел, в отличие от волос на голове, которые сделались редкими и седыми, обнажив проплешину на макушке. Но, его борода лопатой, которую староста время от времени подрезал ножом, как и все остальные деревенские мужчины, все еще выглядела густой и поседела не окончательно. Возможно, староста сохранил здоровье лучше других мужиков по той причине, что давно уже отошел от хозяйственных забот, передав управление семейным хозяйством своему старшему сыну.

Сам же Елисей уже больше десяти лет занимался общими крестьянскими заботами деревенских жителей и полностью посвятил свою жизнь этому занятию. Обладая в этом деле каким-то особым талантом, он наладил быт в Дружковке так хорошо, что обитатели деревни уже три раза подряд переизбирали его на вече. Объяснялось такое постоянство тем, что никаких претензий у крестьян к Елисею Голованову не имелось. Показал он себя за это время не только честным человеком, но и очень заботливым хозяином, которому искренне хотелось сделать жизнь в родной деревеньке лучше и проще.

Когда Петя, следуя за отцом, вошел внутрь избы Елисея, у того как раз были посетители. Чтобы не мешать, отец и сын скромно уселись на лавку, стоящую возле входа. Главы нескольких семей сидели на двух длинных скамьях с двух сторон от широкого стола и говорили со старостой о своих проблемах. Рассуждали они о коровьей лихорадке, которая в последнее время выкашивала новорожденных телят. Вспоминали и о поросятах, заболевших посреди зимы какой-то красной чесоткой, которая никак не проходила, да еще и перекидывалась на другую скотину. И что делать с этими болезнями, никто точно не знал. Староста же настаивал на том, чтобы всех заболевших животных отселить в отдельный общественный хлев, специально выстроенный ради карантина, где знахарь по животинам Кондрат Самойлов вместе со своей женой Анфисой, тоже сведущей в лечении, попытаются бороться с новой напастью, чтобы выходить к весне тех животных, кого удастся. А которых вылечить не получится, придется умертвить.

Вот только зимой быстро построить какие-то новые помещения для скотины, да еще и утепленные, казалось крестьянам весьма хлопотным занятием. Ведь своей лесопилки в деревне не было, и, чтобы быстро построить хлев, пришлось бы покупать готовые доски у лесозаготовителей. А они, как известно, отличались жадностью и драли за пиломатериалы по три шкуры. Или же предстояло строить по старинке примитивные грубые срубы, вырубленные из бревен с помощью топоров. Но, все понимали, что общинный столяр Данила даже с двумя своими учениками будет ковыряться слишком долго, а потому для предстоящего строительства придется привлечь крепких мужиков из нескольких семей.

А в каждой крестьянской семье имелись собственные дела даже зимой. Крестьяне

плели корзины и лапти, ткали одежду из шерсти и льна себе и на продажу, ухаживали за скотиной, перебирали семена, чинили инструменты и точили плуги, загодя готовясь к весенней посевной, поправляли свои избы и печки, готовили к лету телеги, да и других хозяйственных забот имелось в каждой семье немало. И никто особенно не горел желанием бросать работу по дому ради работ общественных. Но, все понимали, что придется. Без особой радости, но главы семей соглашались со старостой, приговаривая:

— На все воля Господа. Если надо, значит построим общественный хлев для карантина. Куда же нам деваться?

Народ в Дружковке любил иногда для видимости поворчать, но все-таки каждый крестьянин понимал, что правильное обустройство общественной жизни не менее важно, чем благо его собственного семейства. Ведь всем было очевидно, что именно общественное начало регулирует ту среду обитания, в которой живет его семья. И если не заботиться об общественном, то и условия жизни собственной семьи сделаются хуже. Потому все присутствующие у старосты быстро смирились с необходимостью общественных работ и перешли к обсуждению того, кто именно и от какой семьи отправится выполнять трудовую повинность. В конце концов, главы семей, в которых заболели животные, договорились предоставить в распоряжение старосты своих сыновей с собственными топорами и с лошадьми для перевозки бревен срубленных деревьев от леса на место предстоящего строительства.

Только тогда, когда все со строительством хлева для больных животных решили в общих чертах, староста обратил на Петю и его отца внимание.

— Ну, с чем пожаловали, Илларионовы? — спросил Елисей Голованов, который знал в лицо каждого из взрослых деревенских жителей, точно так же, как и его самого знали все деревенские жители сознательного возраста.

— Да мы только что от шахтеров приехали. За угольком мотались. Так вот, на обратном пути уже недалеко от нашей деревни мы слышали завывания волкобьяков. Не менее двух. Опять расплодился, судя по всему, — поведал Еремей.

Староста кивнул:

— Правильно, что вовремя сказал мне, Ерема. Немедленно вышлю туда охотников. Пусть выследят зверюг. Не нужны нам здесь эти хищники. Еле избавились мы от них в прошлый раз.

Отец Пети добавил:

— И еще кое-что. На границе леса возле дороги, когда мы уже подъезжали к Дружковке, мой сын заметил морока.

Елисей проговорил:

— Странное дело. Их уже давненько в наших краях не появлялось. А как он выглядел?

— Расскажи старосте, — попросил отец. И Петя описал увиденное, снова возвратившись мыслями на то место и вновь испытав чувство страха, которое пропало, когда они вошли в избу.

— Если так, то это дурной знак. Мороки просто так никогда не приходят. За ними идет беда, — сказал Елисей. Потом добавил:

— Я должен посоветоваться по этому поводу с настоятельницей Ксенией.

В деревне имелась небольшая деревянная часовня, построенная давным давно, которой заведовали одинокие женщины. Всем заправляла старая вдова Ксения, муж которой умер от хвори пятнадцать лет назад. Ей помогала женщина средних лет Светлана, тоже лишившаяся

мужа, которого на охоте задрал волкобьяк. Ксении и Светлане помогали ухаживать за храмом и другие деревенские женщины, старые и молодые. Таких называли сестрами креста. Во время нахождения в храме они были словно монашки, но только приходящие. Вместе они поддерживали часовенку в опрятном виде, проводили молебны с пением хора по праздникам, готовили к погребению и отпевали усопших, выслушивали исповеди тех, кто нуждался в том, чтобы высказаться и попросить совет, а также собирали и сушили целебные растения, чтобы использовать их для приготовления лекарств, секреты которых они хранили в своем узком кругу и передавали от старших младшим. Но, настоящими посвященными во все тайны религии и лечения травами оставались пока лишь Ксения и Светлана.

Деревенские мужики, хоть и воспринимали религию, как привычную часть старинных обычаев, все-таки не проявляли такую религиозность, чтобы становиться монахами, отказавшись от обычных мирских забот. Никто из крестьян, обычно, в детали религии не вдавался. Знали только, что истоки ее находятся в древней народной традиции родных краев, и что вера в Господа и в вечную борьбу Света с Тьмой существовала еще задолго до Великой Войны. Старики, правда, рассказывали, что и вера после смены эпох изменилась. Будто бы все прежние священники сгорели вместе с храмами, но истинная вера возродилась из пепла, смешавшись с какой-то восточной религией с непонятным названием Ду, которая, вроде бы, проповедовала все то же самое, только делала акцент не на самом Спасителе и Святой Троице, а именно на противоборстве через них двух начал мироздания, Света и Тьмы. Согласно религии Ду, доброе начало в самом человеке всегда боролось со злым. А все войны и прочие события проистекали из этого бесконечного противоборства добра и зла. Добро олицетворяло в религии Ду жизнь и развитие, а зло приносило разрушение и смерть. Потому каждому существу, любящему жизнь, необходимо было вовремя выбрать в этой борьбе сторону добра. Но, несмотря на изменение догматики, внешние атрибуты веры никак не менялись за все века. Те же купола-маковки, свечи перед иконами, распятие, святые, ангелы, архангелы и тот же самый крест наверху церквей, так и остались главными символами для верующих людей Сибири.

Иногда некоторые из крестьян, особенно пожилые, заходили в часовенку, чтобы перекреститься перед иконами или поставить свечку за упокой кого-то из близких перед распятием, но, в основном, народ навещал часовенку за другим. Все знали, что главной обязанностью настоятельницы деревенского храма было изготовление разных целебных настоек. И ушлые мужики, пристрастившиеся к подобному питью, часто приходили к настоятельнице за тем, чтобы попросить чудодейственное питье, настоянное на травах, под благовидными предложениями мнимых болезней. Особенной популярностью пользовались сиропы от простуды.

То ли от переживаний, связанных с потерей супруга, то ли от серьезной болезни, которую женщина перенесла, но выжила, старая Ксения на седьмом десятке лет сделалась самой настоящей прорицательницей. Она могла точно сказать любой беременной женщине, родится ли у нее мальчик или девочка, предсказывала погоду, а также чувствовала у кого какая болезнь. И потому те симулянты, у которых никакого заболевания не имелось, но очень хотелось пригубить вкусной травяной настойки с удивительным эффектом опьянения, почти всегда уходили от Ксении ни с чем. Как кремень старуха была стойкая и редко подавалась на уговоры. Правда, иногда она неожиданно смягчалась и выдавала все-таки страждущим зелье. По этой причине ходили слухи, что сама настоятельница время от времени пробует снадобья собственного изготовления.

Внезапно староста предложил:

— А давай, Ерема, сходим к бабке Ксюше прямо сейчас. И пусть твой сын расскажет ей, кого он там видел возле леса. Сразу и послушаем вместе, что она скажет.

Задумка старосты была очень простой. В деревне поговаривали, что настоятельница всегда чувствует обман. И Еремей кивнул, согласившись. Староста надел овчинный тулуп и шапку, дал какие-то указания своему помощнику немолодому холопу Игнатию, и вместе с Илларионовыми вышел на мороз. Старая часовня, построенная из дерева, потемневшего за века, выглядела как маленькая церквушка с одной единственной маковкой, увенчанной небольшим крестом, выкрашенным в белый цвет. Краску на нем подновляли каждую весну, на пасху, потому что от зимних ветров она отшелушивалась, и крест становился из белого черным. Рядом отдельно стояла открытая вышка деревенской колокольни, похожая на очень высокую табуретку. Ее построили еще основатели Дружковки из четырех огромных древесных стволов с площадкой наверху, где под навесом висел колокол, открытый всем ветрам, но надежно закрепленный железной цепью, чтобы не звенел лишний раз. Цепь снимали и звонили в него только по праздникам, для созыва вече, да в тревожных случаях, когда, например, в деревне начинался пожар.

Втроем они быстро дошли до часовни, перекрестились в сенях по старинному обычаю и вошли внутрь полутемного небольшого зала, дневной свет в который проникал лишь сверху из-под свода скромного купола, под которым находились четыре окошка, сориентированные по сторонам света и украшенные витражами из цветного стекла, изображающими святых. Но, этого света было недостаточно, и освещение дополняли свечи и лампы, выставленные перед иконами небольшого иконостаса. В помещении пахло какими-то благовониями, которые настоятельница изготавливала сама из трав. Внутри находились две женщины в белых просторных балахонах, похожих на обыкновенные простыни с вырезом для просовывания головы. Волосы их скрывали белые косынки, завязанные на затылке. То были сама настоятельница Ксения и ее помощница Светлана.

— Зачем пожаловали в храм, мужики? Вижу, что не просто помолиться пришли. Забота у вас какая-то, — без обиняков проговорила скрипучим голосом старая женщина.

— Верно, матушка, дело у нас к тебе, — кивнул староста. И добавил:

— Вот, сын Еремея говорит, что сегодня видел морока возле леса. Хотели узнать у тебя, к чему бы это?

Старуха подошла вплотную к Пете и потрогала ему лоб своей костлявой рукой, словно бы желая убедиться, здоров ли парень? Нет ли у него лихорадки? Петр инстинктивно вздрогнул и отшатнулся, но все-таки позволил матушке настоятельнице прикоснуться к себе. Лицо ее выглядело высохшим и морщинистым, прямые тонкие губы не сулили улыбки, длинный горбатый нос делал облик некрасивым, но черные глаза старухи смотрели цепко, словно бы проникая взглядом в самую глубину души. И от этого взгляда Пете сделалось не по себе, и он поежился под теплой одеждой.

— Мальчик, расскажи мне то, что увидел там, я хочу именно от тебя услышать, — попросила Ксения.

И Петя рассказал, снова пережив страх при воспоминании о рогатом существе. Настоятельница выслушала парня внимательно, ни разу не перебив его ни единым словом.

Потом произнесла:

— Малец не врет. И то, что он видел — это плохое предзнаменование для всей нашей деревни.

Услышав это, Еремей Илларионов и Елисей Голованов притихли, не зная, что и сказать. А бабка дала указание своей помощнице:

— Налей-ка святую воду в купель, да поставь возле нее двенадцать свечей. Взглянуть хочу, что грядет.

Женщина по имени Светлана не казалась еще старой, хотя вокруг ее серых глаз и пролегли уже бороздки морщинок, выдавая возраст. Но, круглое лицо ее до сих пор выглядело довольно свежим. Все в деревне знали, что она очень добрая и милосердная, из тех людей, которые всегда готовы прийти на помощь в чужом горе. Хорошей помощницей была она старухе и быстро исполнила все, что велела ей хозяйка: налила святую воду из медного жбана, расставила свечи и зажгла их. После этого бабка встала над купелью, наполненной водой, а отражения пламени двенадцати свечей, выставленных полукругом, искрились в ней, отражаясь на водной поверхности. В этот момент затихли все присутствующие, потому как чувствовали, что происходит нечто необыкновенное. Ксения сначала замерла, устремив внутрь купели свой взгляд, а потом закрыла глаза. Но, все почему-то знали, что она видит и закрытыми глазами то, что скрыто от других людей, не имеющих прорицательского дара.

Наконец, открыв глаза, хозяйка глухо проговорила:

— Нас ожидают страшные события. Тьма движется в сторону Дружковки. Скоро на нашу деревню нападут создания тьмы. Так я увидела.

— И что же делать? — спросил у нее староста.

Старуха подняла глаза на него и проговорила:

— Молиться Господу, чтобы беда миновала нас.

Но, староста придерживался другого мнения. Считая, что одними молитвами делу не поможешь, он сказал Еремею, когда они вышли из церкви:

— Буду созывать вече, чтобы выбрать воеводу. Надо собирать ополчение. На всякий случай. Раз такое дело.

— И когда объявишь сбор? — поинтересовался Еремей.

— Прямо завтра утром и объявлю. Ударю в тревожный колокол и призову всех сюда, на площадь перед часовней.

Мужчины уже начали прощаться, когда староста неожиданно спросил Еремея:

— А если я тебя воеводой предложу? согласишься?

— Если люди поддержат, то готов послужить, — ответил отец Пети. И они пошли на окраину, к своему дому.

Как только отворили незапертую дверь родного жилища и вошли в сени, так сразу почувствовали вкусный запах свежей еды. А есть, конечно, им обоим очень хотелось. В избе было натоплено. И, скинув теплую одежду в сенях, они поспешили к столу, где посередине в котелке стоял горячий мясной суп, который мать семейства разливала деревянным половником в глиняные миски. Едва увидев вошедших, младшие дети сразу вскочили с лавок и кинулись обниматься с отцом, да здороваться со старшим братом. Все норовили что-то сказать, перекрикивая друг друга.

— Ну, хватит уже. Есть хочется, — прервал отец изливания чувств, сев на свое место, на большой прочный табурет, стоящий во главе стола. Отведав суп из миски, он проговорил,

обращаясь к жене:

— И когда ты успела приготовить такую вкуснятину?

— Это и не я вовсе, а наша старшая дочь постаралась, — сказала Люба.

— Неужели сама поросенка зарезала и разделала? — удивился отец, обратившись к дочке.

— Да, ты же научил меня обращаться с ножами, — кивнула девушка и покраснела.

Когда уже пообедали, братья потащили Петю в свой угол комнаты, чтобы показать, какие фигурки выстрогали из деревяшек, пока старший брат отсутствовал. Глеб показал маленькую лошадку, а Иван почему-то сделал из дерева рогатого черта.

— Чего это ты чертяку вырезал? Лучше ничего не мог выдумать? — спросил Петя.

— Так, я же такого сам видел, — сказал младший брат.

У Пети внутри все похолодело. И он замолчал, снова вспомнив собственное видение. А Ваня истолковал его молчание, как недоверие. Потому начал сыпать подробности:

— Когда вы уехали, я снег чистить пошел на улице перед нашим участком. Когда уже вдоль всего забора почистил и до тупичка перед засекой дошел, то увидел, как рогатый через частокол заглядывает. Ну, я испугался, домой побежал и сразу вырезать начал такую фигуру рогатую, которую там увидел.

— А глаза какие у того черта были? — спросил Петя, еще не до конца поверив брату.

— Один глаз. Большой и желтый. Посередине лба, — поведал Иван.

— Остальным сказал? — поинтересовался старший брат. Ваня пробормотал:

— Нет. Только Глебу. Но, он не поверил мне.

— Этот рогатый — он само зло. И все это очень важно. Немедленно расскажи отцу, — велел Петя.

Выслушав своего тринадцатилетнего сына Ваню, отец помрачнел, сказав:

— Значит, настоятельница права. Создания тьмы уже бродят поблизости.

* * *

Едва Елисей Голованов сквозь пургу, которая с новой силой мела вдоль главной улицы, вернулся в избу управы, как его помощник Игнатий доложил, выбежав в сени, что, пока старосты не было, в Дружковку прибыли важные гости. И находятся они в гостеприимном доме, расположенном у главного деревенского въезда. Пока староста ходил в часовню, оттуда прибежал сын хозяина, чтобы весть принести.

— Что еще за гости в такую погоду? Кто такие? Зачем приехали? — осведомился староста, снимая теплую одежду.

— Какие-то монахини. Не знаю, ради чего они явились. Наверное, к нашей матушке настоятельнице приехали по какому-то важному делу, — проговорил Игнат.

— Непонятно, что там за дело такое. Наверное, действительно, очень важное, раз в такую погоду в дальний путь женщины пуститься не побоялись. Но, Ксения ничего мне о приезде гостей не сказала. Впрочем, не удивлюсь, если специально скрыла, старая, что гостей ждет. Она же считает, что нас ее церковные дела не касаются, — пробормотал Елисей.

Помощник уточнил:

— Парень сказал, что с ними еще и охрана. Четыре всадницы на боевых медведях. И Федор Горелов, который гостеприимный дом содержит, не знает, что с этими зверюгами делать.

— Вот это да! Всадницы на медведях, говоришь? Ну, что ж, тогда я сам, пожалуй, пойду

взгляну на такую диковинку! — воскликнул староста, надевая свой овчинный тулуп и шапку обратно.

Слышал, конечно, Елисей Голованов за свою жизнь разные слухи, что есть будто бы у церкви своя боевая гвардия, какие-то тайные ордена монашеские, противостоящие тьме. И там, вроде бы, из обычных хищных животных научились делать боевых, которые беспрекословно подчиняются всадникам. Рассказывали ему, например, про братство Возмездия, которое точно существует, и символ которого похож на заостренный с каждой стороны крест. Только неизвестно, есть ли в том братстве подобная медвежья кавалерия?

Само по себе это казалось Елисею очень странным. «Но, ведь имеется же у одного из деревенских казаков целый боевой тигр? Так почему же не быть и специально выведенным боевым медведям?» — рассуждал про себя староста. Вот только, что не всадники управляют подобной кавалерией, а всадницы, он вообще понятия не имел. Потому и сделалось ему очень любопытно. Вот и решил пойти проверить. Да и выяснить нужно было, как можно скорее, что же все это значит. Смутное подозрение закралось к Елисею, что не просто так это все. Права, наверное, Ксения, что беда идет. Предчувствия старосту тоже одолевали нехорошие. Сначала черта-морока мальчишка Илларионовых увидел. А теперь еще наведались без приглашения какие-то непонятные медвежьи наездницы с монахинями.

Гостеприимный дом, стоящий возле главного въезда в Дружковку, принадлежал семейству Гореловых. По сути, это была вторая изба, которую сначала, лет двести назад, построили по той причине, что семья у Гореловых сильно разрослась. Много детей родилось, да старшие подросли, заведя собственные семьи. Но потом, когда пришла падучая хворь, почти все в большой семье перемерли. И второй дом, построенный на участке в хорошие времена, остался пустым. Вот и решили оставшиеся в живых Гореловы селить в том доме проезжих купцов за плату. А их в летние месяцы по Длинному Тракту немало с караванами передвигалось между столичным городом Сибирском и портовым Моржовском, находящимся на целую тысячу верст севернее, на самом берегу Холодного океана.

Огромная страна Сибирь, что и говорить! Почти две тысячи верст с юга на север и почти полторы тысячи верст с запада на восток. А раньше, до Великой Войны, говорят, что была Сибирь еще больше, начинаясь от самых Уральских гор на западе и простираясь до Большого океана на востоке. Теперь же границы государства Сибирского пролегали по-другому, чем в древние времена. Да и эти границы чтобы восстановить потребовалось пережить множество междоусобных войн. Да и до сих пор они на разных концах страны иногда вспыхивали, да и соседи на границах не давали покоя. Об этом Елисей Голованов знал. Читать он умел, а умные старые книги, где сказано было про историю и географию родного края, достались ему от предков. Конечно, они, наверное, немного устарели. Но, в целом, в мире за последние двести лет вряд ли многое сильно поменялось. Во всяком случае, староста Дружковки очень надеялся на отсутствие плохих новостей, когда шел сквозь колючую метель к гостеприимному дому.

Гостевой караван расположился в просторном дворе Гореловых. И медведей в нем оказалось гораздо больше, чем ожидал староста. Сани на широких полозьях, оказывается, тащили еще четверо бурых хищников. Похоже, медведи в этом караване заменяли самых обыкновенных лошадей. И, что удивительно, они мирно сидели под большим навесом, установленным на прочных деревянных столбах, предназначенным для коней, и ели какое-то угощение из обычных корыт, не обращая никакого внимания на людей.

Впрочем, кроме двух девушек в коротких шубках, меховых шапках и теплых шерстяных

юбках, задающих медведям корм, никого больше снаружи староста не увидел. Обе девушки были нездешние, молодые, стройные и приятной наружности. Они кормили своих медведей и поглаживали их, словно то были какие-то большие лохматые игрушки, а не свирепые хищники. Но, Елисей не мог понять, как такое возможно, если медведи, обычно, зимой спят в берлогах? Что-то совсем непонятное было во всем этом. Да еще и сани выглядели весьма необычно, напоминая формой, скорее, лодку, поставленную на полозья.

Не переставая удивляться, староста зашел внутрь гостеприимного дома и сразу же оказался лицом к лицу с незнакомкой. Высокая рыжеволосая женщина средних лет, одетая в меховой жилет из белого песка, надетый поверх длинного платья, связанного из выбеленной шерсти, неожиданно вышла ему навстречу, и внезапно сказала приятным голосом:

— А вот и сам деревенский староста пожаловал!

— Я не припомню, чтобы мы были знакомы, — пробормотал Елисей, немного смутившись оттого, что в женщине этой он сразу почувствовал власть.

Выражение ее красивого лица с высокими скулами, тонким носом, волевым подбородком и крупными зелеными глазами говорило о том, что она привыкла распоряжаться. А еще Голованов сразу заметил у нее на шее крест на цепочке. И то не был обычный крестильный нательный крестик, а довольно крупный золотой и витой, все четыре конца которого заканчивались наконечниками копий. И это сразу проясняло многое. Перед ним была одна из сестер таинственной церковной организации Огненный Крест Справедливого Возмездия. Или же просто Возмездия, как называли это в народе. Староста слышал, что сестры этого ордена стоят не только над духовной властью, но и над светской. И обладают они полномочиями покарать любого правителя во имя справедливости. А суд их, якобы, неподкупен. Потому, староста смиренно спросил:

— Не провинился ли я чем-нибудь перед вами, сударыня? Простите, не знаю, как вас величать?

— Я сестра Алевтина. И вы ни в чем не провинились. Мы прибыли сюда лишь потому, что получили сигнал об опасности проникновения тьмы с этого направления в самое ближайшее время. Ведь в наши обязанности входит и организация духовной обороны на местах от воинства Сатаны, — сказала женщина.

— Значит, нам действительно угрожает серьезная опасность? — спросил ошарашенный староста.

— Боюсь, что так, — кивнула сестра Возмездия.

— Да, не случайно мальчишка Илларионовых видел этого рогатого морока, — пробормотал Елисей.

— Этот морок всего лишь предвестник, вражеский лазутчик. За ним скоро придут другие, — сказала женщина в меховом жилете. Потом добавила:

— Где этот мальчик? Раз он увидел морока, значит, и сам он не совсем обычен. Ведь подобных тварей дано видеть не каждому. Я должна познакомиться с этим ребенком.

— Он уже не ребенок. Ему исполнилось шестнадцать. У нас в деревне дети взрослеют рано, — сказал староста.

— Не важно. Я обязательно должна услышать о мороке от самого свидетеля, — произнесла Алевтина тоном, не терпящим возражений.

Когда в дом Илларионовых прибежал Саша, тринадцатилетний сынишка Гореловых, передав, что Петю ждет в гостеприимном доме какая-то важная приезжая монахиня, чтобы расспросить его, Петя не знал, что и подумать. Хватило с него уже и того, что бабушка Ксения сегодня расспрашивала. А тут еще какая-то монахиня приезжая, незнакомая. Но, не отказывать же в просьбе важной гостье? В Дружковке так не принято. Потому Петя, спросив позволения у отца, собрался и пошел на улицу вместе с Сашей.

По дороге сын Гореловых рассказывал какие-то удивительные вещи. Дескать, приехала эта важная монахиня не на простых санях, а на лодке с полозьями. И к тому же, лодка та из железа сделана, а не из дерева. А тянут такую необыкновенную железную повозку не лошади, а самые настоящие медведи. Да еще и девушки-наездницы на четырех медведях ее охраняют. Важная птица, судя по всему, эта сестра Алевтина. Саша предположил даже, что она городская, может быть, из самой столицы к ним в деревню пожаловала, из далекого Сибирска.

Пройдя через половину деревни, Петя и Саша успели продрогнуть от резкого ветра, который все гнал и гнал пургу, крутя снежные вихри вдоль деревенских улиц и бросая колючий снег прямо в лицо. И потому оба обрадовались, когда наконец-то оказались в тепле гостеприимного дома. Пареньки вошли не сквозь въездные ворота и не через калитку, а через дверь, ведущую с улицы прямо в дом. Потому Петя пока так и не увидел всех тех диковинок, о которых рассказывал по дороге Саша: ни могучих медведей, ни их наездниц, ни железной лодки на полозьях. Ведь все они, по словам Саши, разместились за воротами во дворе. Медведи сидели под навесом, наездницы находились в домике для дорожной прислуги, а повозка, похожая на железную лодку, осталась стоять прямо посередине двора.

В просторном гостевом зале, куда вошел Петя, следуя за Сашей, было хорошо натоплено. Помимо обычной печки, здесь для обогрева гостей в противоположном конце помещения имелся еще и немаленький камин, выложенный из кирпичей и оснащенный по бокам двумя открытыми объемными сундуками с углем. И каждый гость, сидя напротив каминной топки в кресле-качалке, всегда мог подкинуть в огонь железным угольным совком столько угля, сколько ему требовалось для собственного обогрева. Пете казалась подобная щедрость хозяев расточительством, ведь в камине топливо гораздо быстрее вылетает в трубу, чем в печке, но он понимал, что таковы законы гостеприимства. В Дружковке издавна жили добрые люди, которые умели не только дружить между собой, но и заводить дружбу с проезжими. И уютный камин для гостей был, наверное, очень важен.

Перед оранжевым потрескивающим каминным пламенем расположились три человека, двое мужчин и одна женщина. У всех в руках были глиняные пиалы с ароматным иван-чаем, а у ног каждого из них на циновках свернулись калачиками домашние коты Гореловых с пушистым мехом серой масти. Несмотря на то, что снаружи уже почти стемнело, и из окошек не лился внутрь с улицы свет, в отсветах каминного пламени Петя сразу узнал деревенского старосту Елисея Голованова и хозяина гостеприимного дома Федора Горелова, который был моложе старосты лет на десять, но выглядел, при этом, гораздо хуже. Морщинистый лицом, с темными кругами под глазами, он еще и полностью облысел, да и густой бородой не мог похвастаться.

— Вот, отец, я привел Петю Илларионова, — выпалил с порога Саша, невежливо

прервав разговор взрослых. Но, никто не пожурил его. Федор лишь кивнул, внимательно взглянул на юного гостя и произнес:

— Пойди сюда, парень. Сударыня матушка Алевтина хочет расспросить тебя.

Женщина, которую увидел Петя, когда подошел к камину, мало походила на тех монашек, которых он видел до этого. Она совсем не выглядела матушкой, как, обыкновенно, величали старых монахинь. На лице ее не видно было морщин, присущих почтенному возрасту. Более того, ее можно было назвать красивой, с какой-то удивительной нездешней внешностью. Она не являлась круглолицей и русоволосой, как большинство женщин Дружковки, не была и раскосой с темными волосами, как женщины оленеводов сибирского севера, не походила и на носатых чернявых южанок с завитушками на головах, несколько которых имелись в женах у деревенских мужчин из тех, которые в молодости служили на юге и привезли оттуда себе супруг в родную деревню. Да и волосы у приезжей монахини не прятались под косыночкой, как обычно это делали сестры креста, а свободно падали на плечи волнистыми рыжими локонами.

Да и одета приезжая была не так, как деревенские монахини. Никакой белой простыни на ней Петя не увидел. А разглядел меховой жилет, высокие унты с меховой оторочкой на ногах, да выбеленное шерстяное платье. К тому же, имелись у нее и украшения. И не только крупный золотой крест необычного вида на шее, но и ожерелье из самоцветов, разные кольца на пальцах обеих рук, а также массивный браслет с драгоценными камнями на запястье левой руки, который выглядывал из рукава платья. И Петя сделал вывод, что на этой женщине навешано целое богатство, даже подумав про себя: «Ну, какая же она монахиня? Непохожа. Скорее, купчиха какая-нибудь». Ведь его родители с малолетства учили, что монахи и монахини — это очень скромные люди, которые стараются избегать излишеств.

Петя уставился на приезжую во все глаза и даже забыл, что его позвали не рассматривать гостью, а рассказывать о том, что видел возле леса.

— Расскажи мне, что ты видел, мальчик, — велела, между тем, монахиня.

И Петя пересказал все, не утаив ничего, что касалось появления рогатого морока. Алевтина выслушала рассказ Пети очень внимательно. Потом сказала, обратившись к мужчинам:

— Мальчик говорит правду. Он видел рогатого, ибо тьма близко.

И в ее голосе звучала властность, выдающая привычку повелевать и то, что возражений эта особа не терпела, считая любое из собственных высказываний непререкаемой истиной. В этот момент из двери, ведущей на кухню, появилась Настя, одна из старших дочерей хозяина гостеприимного дома. Она поставила на маленький столик перед гостьей корзинку с теплыми пряниками и тут же удалилась обратно.

— Вот, возьми. Спасибо тебе за правдивый рассказ, — неожиданно проговорила Алевтина, протянув Пете только что испеченную ароматную сладость. Он взял пряник и тут же начал его жевать, хоть это и было, наверное, не совсем прилично. Но, уж очень на него подействовали вкусные запахи теплой сахарной глазури и пряничного теста, рецепт которого передавали в семье Гореловых из поколения в поколение. Глядя на него, жующего пряник, женщина улыбнулась, сказав загадочно:

— Я думаю, что мы еще встретимся. А сейчас иди домой, мальчик, а то уже почти совсем стемнело на улице.

Всю обратную дорогу Петя думал о том, что женщина почему-то называла его мальчиком. Хотя, у них в Дружковке так, обычно, обращались только к малышне, которой

нельзя было самостоятельно выходить за засеку. Только детей до двенадцати лет в деревне называли мальчиками и девочками. А ребят постарше уже называли пареньками и девчушками или даже уже совсем по-взрослому, парнями и девушками. Даже уменьшительных имен по отношению к подросткам взрослые старались не произносить. Относились старшие уважительно, чтобы привыкали поскорее ребята к взрослой жизни.

Приезжая женщина произвела на Петю и еще одно непонятное ему самому впечатление. Он почему-то почувствовал, что она не кичится своим положением или властью. А то властное достоинство, с которым она держится и разговаривает, исходит не от ее пренебрежения к людям и не от желания казаться значительнее. Просто она на самом деле знает и умеет много всего такого, о чем простые люди даже и не догадываются. Петя почему-то сразу же понял это для самого себя. Вот только пока не мог объяснить сам себе, откуда мог узнать такое? Но точно знал, что все именно так, потому что почувствовал каким-то особым чутьем.

И еще он ловил себя на мысли, что хотел бы поговорить с этой женщиной, чтобы рассказать ей о своей собственной жизни. Ведь он же может исповедоваться монахине, разве не так? Думая о том, что завтра обязательно пойдет в часовню, подгадав, когда приезжая монахиня придет туда к настоятельнице, Петя повеселел. Он почему-то даже не сомневался, что приезжая обязательно будет в часовне служить какую-нибудь моленную службу вместе с бабкой Ксенией.

После ужина Петя почти сразу же заснул, улегшись в своем углу на довольно узкую деревянную кровать-лавку с матрасом и подушкой, набитыми соломой, и укрывшись теплым меховым одеялом. Но, спать пришлось в ту ночь недолго. Все в деревне проснулись от шума и криков. Мужчины быстро одевались и хватали оружие, выбегая в ночь. И Петя тоже, едва продрав глаза, выскочил в темноту следом за отцом, схватив свой лук и колчан со стрелами.

Казак, которые охраняли засеку, зажгли факелы. Но, света они давали мало. К счастью, ветер утих, снегопад закончился, облака на небе разошлись, хотя и мороз усилился. И когда из-за леса вышла луна, то все увидели, что напротив главных ворот на общинном поле расположилось целое кочевье оленеводов. Олени мычали и ревели, а люди кричали, били в бубны и требовали, чтобы деревенские впустили их за частокол. Кочевники столпились на поле возле деревни на другой стороне неширокой речки с таким же названием, как и у деревни. Эта водная преграда с момента основания Дружковки использовалась для обороны в излучине вместо оборонительного рва с водой перед засекой. Вот только зимой речная вода вся замерзла, а потому река не представляла собой такого препятствия, как в теплое время года. К тому же, снежные сугробы сильно сгладили крутой берег, что позволяло неприятелю сходу прорваться к самому засечному частоколу.

На памяти Петра такого никогда не бывало, чтобы оленеводы просились на постой к деревенским. И это пугало всех. Не только пареньки, вроде Пети, выскочившие в морозную ночь вместе с отцами, но и взрослые бывалые мужики тоже выглядели сильно встревоженными. Виданное ли дело, пустить в деревню не меньше тысячи кочевников с их оленями и всем скарбом? Потрясая оружием, мужчины горячо обсуждали между собой, что же делать. Но, все разговоры стихли, едва на сторожевую вышку, пристроенную к воротам, забрался сам староста, вооруженный саблей, в кольчуге и с железным шлемом на голове.

Он крикнул пришлым, стараясь перекрыть громким голосом шум толпы оленеводов, что будет говорить один на один с их вождем. И, пока они будут разговаривать, остальные, пускай, заткнутся. Кочевники сначала расшумелись пуще прежнего, но потом затихли,

потому что вперед вышла высокая седая старуха. Надтреснутым голосом она крикнула старосте:

— Нету у нас вождя. Гнобы убили, а нового мы еще не выбрали. Потому что бежим. И говорить буду я, Кучума, как старшая хранительница очага.

— Так что случилось? Почему вы покинули стойбища и пришли к нам? — прокричал староста с вышки.

Старуха крикнула с противоположного берега замерзшей речки:

— Гнобы вышли из-под проклятых холмов. Они напали на нас и многих перебили. Севернее, верстах в сорока отсюда, было большое сражение. Теперь мы спасаемся, а они преследуют нас. И если не поможете, то и вас они скоро всех перебьют. Их много. Целая орда. И вместе с ними муданы.

Петя вспомнил, что однажды, когда был помладше, видел гноба в лесу летом. Они в тот раз с матерью и с сестрой Ириной вместе с другими деревенскими жителями как раз вышли на сбор грибов и ягод. Да зашли подальше в чащу, где из земли под корнями деревьев торчали какие-то развалины каменных построек с черными провалами, похожими на входы в звериные норы, только сделанные прямо в камнях. И вот из одной такой норы внезапно вылез гноб с лицом цвета земли, обросший черной всклокоченной бородой до самых глаз, и с топором в руках. Мать мгновенно натянула лук и наложила стрелу, направив ее в сторону гноба. Но, ничего не произошло. Гноб просто нырнул обратно, скрывшись в своей норе и больше не показываясь. Был он небольшим, размером с ребенка, а взрослому мужчине, наверное, по пояс. Вот только плечи выглядели широкими, а руки толстыми и длинными с буграми мышц, совсем не такими, как у детей.

Петя еще спросил тогда, почему эти уродливые карлики гнобами называются? И мама ответила, что называют их так за то, что гнобят они всех, кто попадает к ним в руки. Воруют они детей и даже взрослых людей, да затаскивают к себе в норы под землю, чтобы загнобить. В старых книгах написано, что дают гнобы пленнику лопату и заставляют копать до тех пор, пока человек не умрет, а потом съедают его. «И что же будет, если целая орда таких придет следом за оленеводами?» — подумал Петя и поежился. А вот муданов он никогда не видел, потому даже не знал, чего от них ожидать.

— Так куда же мы вас пустим? Вы же не поместитесь в деревне! — крикнул в ответ староста.

— Если не пустите, то разнесем ворота и войдем сами! — прокричала ему старуха-кочевница.

Она отступила назад, а ее сородичи снова заголосили, потрясая копьями и луками. Вскоре среди них нашелся какой-то смелый парень, который послал стрелу в сторону старосты. И в этот момент с противоположной стороны от ворот ударила ярким белым огнем молния. Ослепительная вспышка озарила все пространство, сделав тени на миг удивительно четкими. И тот, кто пустил стрелу, упал замертво. А с другой вышки, возвышающейся над засекой, раздался громкий и решительный женский голос:

— Следующий, кто пустит стрелу, умрет точно так же. Возмездие настигнет быстро.

Все обернулись, уставившись на верхнюю площадку, откуда говорила сестра Алевтина, одетая в короткую белую шубку. Как и когда женщина забралась туда, никто не заметил. Но то, что она сделала, произвело впечатление. Никто после ее слов не сомневался, что молнией именно она ударила. Вот только, как она сотворила это волшебство, никто не имел ни малейшего понятия. Петя подумал, что, эта монахиня, пожалуй, была очень опасной

женщиной, раз умела вытворять такие фокусы. Впрочем, он почему-то и ожидал от нее чего-нибудь подобного, необыкновенного. И ожидания, похоже, не обманули его.

Между тем, олениводы притихли, а женщина снова заговорила с вышки:

— Я, как одна из сестер Верхнего Круга Огненного Креста Справедливого Возмездия говорю вам, люди, что сейчас не время ссориться друг с другом. А нужно подумать о том, как вместе отразить удар тьмы. Пусть воины кочевников и воины деревни объединятся и выйдут в поле, чтобы дать бой, а все дети, женщины и немощные укроются внутри деревни, за частоколом и стенами домов. Тем более, что помощи ждать неоткуда. Никакое войско уже не успеет сюда добраться прежде, чем на это место обрушится тьма. Я вовремя почувствовала этот новый вызов Сатаны. Я находилась в этот момент не так далеко. И потому я оказалась здесь к сроку. И я единственная, кто может по-настоящему помочь вам именем Господа. Но, только до тех пор сможет действовать моя помощь, пока между вами будет согласие. А тьма, как всегда, делает все, чтобы запутать вас. Потому что Сатана и его слуги разобщают людей, чтобы разделять их и властвовать ими. Сподвижники тьмы насылают безумие. И только не поддавшись темному искушению, вместе мы сможем дать темным силам отпор.

— Но, почему так? Почему тьма решила напасть на нас именно сейчас? — раздались вопросы с разных сторон.

Женщина ответила:

— Потому что все происходит к сроку, установленному высшими силами. Не раньше и не позже. И этот срок настал. Тьма снова обрела силу, поднялась и вышла из подземных нор. Пророчества начинают сбываться. «Деревня друзей примет бой». Так написано в древней книге. Но, только вместе мы сможем победить.

Такой тревожной ночи в жизни Пети Илларионова еще никогда не было. Привычный ночной покой полностью исчез. Повсюду под светом полной луны слышались голоса людей и звуки, которые издавали растревоженные животные. Все взгляды деревенских притягивала фигура женщины, стоящей на вышке. К ней проворно поднялась одна из девушек из ее свиты с каким-то удлинённым предметом, подвешенным на спине. Сначала все думали, что это просто большой лук в чехле. Но, когда девушка начала разворачивать ткань, толпа загудела пуще прежнего. Бледное ночное светило, висящее над полем в ясном морозном небе, давало достаточно света, который отражался от снежной поверхности. И в этом лунном освещении, дополняемом факелами, зажженными над засекой, да кострами, которые развели на деревенском поле оленеводы, чтобы согреться, собравшиеся наблюдали, как женщина взяла из рук девушки флаг и водрузила его над площадкой сторожевой вышки. Все узрели белую стрелу, летящую сквозь красный огонь в круге, вписанном в середину золотого креста с заостренными концами на синем фоне.

Люди сразу притихли, рассматривая полотнище в неверном лунном свете. Тревожный шепот прошел по рядам. И лишь некоторые знали смысл этого знамени. Стрела Возмездия. Так называли этот флаг. Но, никто не видел его уже много лет. Лишь некоторые из мужчин старшего возраста, но еще способных держать оружие, помнили, что в то время, которое пришлось на их молодость, на юге Сибири воевали со степной ордой под этим знаменем. Между тем, женщина, развернувшая полотнище, снова заговорила:

— Не думайте, что тьма обрушилась только на вас. По всей стране враги подняли голову. Сатана долго подготавливал свою атаку. И он нанес удар сразу во многих местах. От Южных степей и до Холодного океана начались стычки с тварями тьмы. А они безумны и не боятся умирать, потому что сами несут смерть всему живому. Они никого не пожалеют. У них нет жалости. Это война. Враги беспощадны и готовы уничтожить всех вас. Потому говорю вам, люди, объединитесь прямо сейчас перед общей угрозой и сражайтесь с супостатами! Помощь не придет. Только я и те, кто меня сопровождает, помогут вам. Но, одни мы не справимся. Потому и надеемся на вас. И вы обязаны выстоять. Больше никому, кроме вас самих, встать на этом направлении удара тьмы.

Услышав такое, толпа загудела. Никто не был готов к настолько плохим новостям. Если одиночный поход темных тварей, выбравшихся из своего логова, еще можно было надеяться отразить объединенными силами оленеводов и деревенских, то как противостоять, если началась самая настоящая война? Все понимали, что тогда потребуется сильное обученное и хорошо вооруженное войско. А где его взять? В этой части Сибири никакого войска не располагалось. Лишь небольшие деревеньки, вроде самой Дружковки, разбросанные на немаленьком расстоянии друг от друга. В мирное время это давало жителям свободу вести собственное хозяйство без всяких помех соседям, но вот защищаться от большого неприятельского войска маленькие деревеньки приспособлены не были. Да и основывать стали подобные поселения в этих краях не так давно, лет триста назад, когда междоусобные войны уже утихли, тьма затаилась, получив отпор, и жизнь в Сибири сделалась относительно мирной. Но, если началась новая война, как говорила Алевтина, то дела деревенских плохи. Оборонительный частокор хорошо помогал сдерживать одиночных злых тварей, желавших полакомиться чем-нибудь в деревне. Но, против серьезного

неприятельского войска он был почти бесполезен. И это понимали даже пареньки, вроде Пети Илларионова.

— Но, почему же они, эти гнобы или кто там еще, решили воевать? — недоуменно спросил Петя у своего отца.

— Просто потому, что они и есть сама тьма. По одной этой причине пошли войной, я так понимаю. Они кровожадны по своей природе. Но, конечно, не обошлось без злой силы, которая вооружила и направила их, — проговорил Еремей Илларионов. Достав из ножен обе свои острые сабли, чуть загнутые на концах, он время от времени потрясал ими в воздухе в знак решимости воевать, как делали в этот момент и многие другие мужчины, руководствуясь старым воинским обычаем салютовать оружием друг другу перед боем.

Но, враги, наверное, двигались медленно, раз пока что на них никто не нападал. И слово взял староста Елисей Голованов. Стрела, пущенная тем оленеводом, который бесславно погиб от удара молнии, по-прежнему торчала в локте от головы старика, воткнувшись в стойку верхней площадки сторожевой вышки, как напоминание о том, что еще совсем немного времени назад оленеводы собирались брать деревню штурмом. Теперь же, убедившись в волшебной силе сестры Возмездия и внимательно выслушав то, что она сказала, кочевники притихли, признав власть этой женщины над собой и ожидая решений.

Они даже не роптали из-за того, что одного из молодых парней их племени убило молнией. Понимали, что он совершил очень опасный поступок. Ведь, убей парень старосту Дружковки, и толпа вооруженных деревенских мужиков, которых было не меньше, чем полтысячи, смела бы оленеводов, воинов у которых в строю, после сражения с тварями тьмы и бегства от них, оставалось не больше трех сотен. Да и вооружены боевые отряды кочевников были лишь легкими луками, да деревянными копьями. В то время, как у деревенских имелись настоящие сабли, мощные большие луки с длинными тяжелыми стрелами, острые копья на железных древках, круглые щиты, да кольчуги и шлемы у многих. Трудно было бы оленеводам противостоять такому ополчению.

Амбиции, конечно, у некоторых из погонщиков оленей разыгрались поначалу, но здравый смысл все-таки взял верх. Ведь сибирские оленеводы никогда не были глупыми людьми, как любили рассказывать про них жители более теплых мест. Вот ведь попробуй, выживи лютой зимой, делящей большую часть года, когда ничего не растет на мерзлой земле, а кругом только снег, лед да холодный ветер! Чтобы в таких условиях не только оставаться в живых самому, а успешно создавать семьи и растить детей, нужно быть не только ловким и смелым, но еще и умным человеком, способным к постоянному наблюдению и сопоставлению малейших деталей погоды и поведения животных. Ведь без этих умений и успешно охотиться на северных зверей не получится. Потому, когда деревенский староста начал говорить, оленеводы уже смирились с тем, что решать будут не они, а другая сторона. Голос старика еще сохранил достаточную силу для того, чтобы его хорошо слышали по обе стороны от засечного частокола.

— Вы все видите, что знамя Возмездия снова поднято, как в старые времена. А это означает, что каждому из вас придется прямо сейчас сделать выбор со Светом ли он, или с Тьмой? Ибо обе великие силы снова начали сражение на земле, что следует из слов матушки Алевтины. Так с кем вы? — прогудел Елисей Голованов с площадки сторожевой вышки.

И деревенские ответили ему дружно боевым кличем старых времен:

— За Свет Господа!

А потом и оленеводы подхватили этот клич, потрясая в воздухе своими короткими

копьями и маленькими луками.

Старик продолжал:

— Раз вы все сделали свой выбор, и желаете драться с тьмой, то объявляю о призыве ополчения. Я хотел созвать вече завтра на деревенской площади, но вижу, что тут присутствуют почти все главы семейств со своими старшими сыновьями. А потому ждать уже нечего. Прямо сейчас нужно выбрать воеводу. И я предлагаю вам на это место Еремея Илларионова. Есть ли другие предложения?

— Афанасий Михайлов более опытный боец! — прокричали несколько мужчин.

— А еще у него есть боевой кот! — выкрикнул еще один человек.

Но, больше никто не высказал предложений. И староста повелел:

— Тогда пусть главы семейств Дружковки проголосуют. Кто за Афанасия?

Поднялось два десятка рук.

— А кто за Еремея?

Подняли руки почти все остальные.

— Ну, тогда воеводой назначается Еремей Илларионов, а Афанасий Михайлов пусть будет его помощником.

Так и утвердили отца Пети воеводой. А еще на этом необычном ночном вече решили пустить в деревню детей, женщин и немощных людей племени кочевников. И о них деревенские должны были позаботиться, дать кров, еду и обогреть. А вот мужчинам олениводов предстояло сражаться плечом к плечу с надвигающейся тьмой вместе с деревенскими воинами. Полевой лагерь для войска решено было разбить перед частоколом, для чего сразу же приступили к обустройству. Когда открыли ворота, поднялась суета. Но, староста старался упорядочить приток беженцев в деревню, сразу же распределяя прибывающих по семьям.

Илларионовым тоже пришлось потесниться и взять некоторых олениводов к себе в жилище, а их нескольких оленей разместить в собственном хлеву, рядом с домашними животными. Еремей, как только принял командование, сразу же придумал план обороны. Взрослые мужчины должны были принять сражение в поле за пределами засеки. А подростки вместе с женщинами будут в это время удерживать частокол, поддерживая мужчин стрелами своих луков. Он расспрашивал олениводов о том, какая численность у войска гнобов. Но кочевники не имели понятия, лишь повторяли, что созданий тьмы очень много, целая большая орда. Тысячи. А сколько точно, так никто не знает. Да и как их посчитать? Если приблизишься, то сразу убьют. К тому же, сквозь лес враги наступают. И между деревьями не понять, сколько их там. Потому Еремей выслал навстречу супостатам разведку. Надо было узнать, к чему готовиться. И с какого направления ждать главный удар.

Отосланный отцом защищать семью, Петя вернулся в родную избу уже под утро. В доме Илларионовых все, конечно, были встревожены, и никто не спал. Мать и сестры устраивали на постой семейство кочевников, состоящее из старенькой бабушки по имени Матерона, которая передвигалась с трудом, опираясь на палку, сухощавой женщины Анис с раскосыми глазами и двумя длинными черными косами, и ее четверых детей, совсем малышкой двух, трех и пяти лет. А самую младшенькую девочку Анис держала на руках и кормила грудным молоком.

Глеб и Иван, которые проспали все интересное, задавали на перебой вопросы старшему брату:

— Что случилось? Неужели будет война? И далеко ли еще от Дружковки эти ужасные

карлики гнобы с их войском?

Хоть дети и росли в мирное время, но все-таки про войну знали, потому что старшие рассказывали им. Да еще и в книгах про войны было написано немало. Кто кого и когда победил, и сколько людей в каких местах погибло. Потому младшие братья воспринимали это известие со страхом. Ведь всем было понятно, что грядущая война несет разрушения и гибель. Но, как сложатся военные события на самом деле для родной деревни, для их родных и для их собственных жизней никто из ребят пока не представлял. Ведь почти три десятка лет никакой большой войны в Сибири не было. Лишь отдельные стычки происходили где-то на дальних границах, откуда до Дружковки доходили с большим опозданием лишь невнятные слухи, мол, снова какая-нибудь степная орда пыталась набег устроить, чтобы пограбить приграничные земли. А серьезной войны ни с соседями, а с созданиями тьмы, живущими в проклятых местах внутри самой Сибири и почти не встречающимися с людьми, не случалось уже лет триста, не меньше.

Сам Петя знал о войне не больше братьев. Потому на их вопросы ответить он и не мог. Он просто рассказал, что случилось, не забыв упомянуть и про молнию, и про знамя, и про ополчение, которое сразу созвали. А то, что отца выбрали воеводой, оказалось предметом гордости для мальчишек. Их глаза сразу засверкали озорными искорками.

— Теперь-то мы не просто Илларионовы будем, а семья воеводы, — сказал Глеб.

— Да. Мы теперь сыновья самого главного командира, — сказал Иван.

— Так с нас, значит, и спрос теперь больше, — проговорил Петр.

* * *

По причине очень позднего ночного времени, или же слишком раннего, когда уже вскоре должен был наступить рассвет нового дня, Елисей Голованов чувствовал себя неважно. Нервная бессонная ночь в его годы оказалась нелегким испытанием. Но, он остался доволен собой, потому что не растерялся и смог выполнить свои обязанности даже в такой неожиданной трудной ситуации, избрав надежного воеводу, который теперь возьмет заботы по организации обороны на себя. Во всяком случае, Елисей на это очень надеялся. Вот только возвращаться к себе домой староста не торопился. Он, хоть и не пошел в военный лагерь, как старик, не подходящий по возрасту для того, чтобы сдерживать первый натиск врага, но все-равно хотел быть полезным, организовав штаб обороны деревни недалеко от главных ворот в частоколе, прямо в гостеприимном доме Гореловых.

Сам Федор Горелов, как и четверо его взрослых сыновей, собирался воевать. Он извлек из сундука и надел свою кольчугу времен молодости, нахлобучил на лысую голову покатый железный шлем с полями и взял в руки копьё. Но, выглядеть бравым бойцом от этого не стал. Наоборот, в кольчуге, которая стала за прошедшие годы Федору маловата, его пузо выпирало вперед еще заметнее. Да и двигался он в таком наряде еле-еле. Потому староста настоял, чтобы он все-таки остался с ним при штабе. Они давно дружили. Тем более, что и в военное время жизнь внутри деревни предстояло как-то налаживать, ведь враги могут, например, установить осаду, внутри которой придется выживать, правильно распределяя ресурсы. И Елисей чувствовал, что может не справиться без толковых помощников. К тому же, им будет необходим госпиталь. А гостеприимный дом как раз хорошо подходил для того, чтобы размещать раненых, которых принесут с поля боя. Потому пока и не спешили пускать сюда беженцев, распределив их по деревенским семьям.

— И что же теперь с нами будет? — проворчал Горелов, ставя пока свое копьё в угол.

Голованов проговорил в тон ему:

— Боюсь, что сейчас ничего сказать с определенностью нельзя. Вот, когда наши разведчики вернутся обратно, тогда что-нибудь прояснится. Но, что бы ни готовили враги, мы тоже не лыком шиты. Ты же видел, что произошло с оленеводом, который пустил стрелу в старосту?

Федор пробормотал, разжигая камин:

— Да, я видел. Сестра Возмездия вовремя оказалась в наших краях. Вопрос лишь в том насколько эта Алевтина сильна. И на какое время хватит у нее подобных зарядов с молниями? Кстати, где она сама?

— Пошла на двор готовить к бою свою медвежью кавалерию, — ответил староста.

— Молодые хорошенькие всадницы на дрессированных медведях — это весьма оригинально выглядит. Вот только, что они смогут в бою? — высказал сомнение Горелов.

— Мне кажется, что это достаточно грозная сила. Но, согласен с тобой в том, что все зависит от искусства этих наездниц, от того, насколько они контролируют своих хищников, — сказал другу Елисей.

Когда они оба уселись в кресла напротив камина, в котором уже заплясало горячее оранжевое пламя, Голованов продолжил:

— В молодости, когда я служил на южной границе во время Степной войны, таких зверей я видел. Их тогда вывели однажды в бой против степняков. Так вот, несколько подобных мишек разогнали в тот раз целый вражеский эскадрон. В бою они страшны, как и их хозяйки. Если, конечно, обучены достаточно хорошо.

— Тут еще многое зависит от того, что есть у врагов. Слышал уже от оленеводов, что вооружены гнобы весьма неплохо. У них не только топоры, а еще и самострелы, которые кольчуги легко пробивают за пару десятков шагов. И что там они еще в своих подземельях понаделали, никто из нас не знает. А с гнобами еще и мудары идут против нас на этот раз, каждый из которых гораздо сильнее обычного человека.

Пытаясь заснуть в своем углу избы уже на рассвете, Петя думал о том, что начинаются самые настоящие приключения. То, чего раньше никогда не было в его размеренной деревенской жизни, а имелось только в сказках и легендах, которые рассказывали ему дедушка и бабушка долгими зимними вечерами, когда он был еще совсем маленьким, а старики еще были живы. А ведь только этим утром Петр думал, что поездка с родителями за десять верст в шахтерский поселок за углем — это и есть приключение самое настоящее. А оказалось, что та поездка совсем еще приключением и не была. Приключение началось совсем неожиданно, свалилось на Петю, как снег на голову, застав его врасплох, как и всех остальных жителей Дружковки.

Большое приключение пришло само, когда никто не ожидал его. Оно пришло в Дружковку вместе с оленеводами, спасающимися от гнобов, вместе с сестрой Возмездия и с ее боевыми медведями, и вместе с вестями о новой войне с тьмой. И Петя подумал, что это напоминание о том, что за пределами привычного деревенского мирка находятся обширные просторы Сибири, а дальше за ее границами лежат иные страны, откуда время от времени устраивают набеги недобрые соседи. Но, получается, что самые главные враги даже не злобные людские орды, атаки которых в пограничье сдерживают сибирские казаки, а твари тьмы, которые водятся прямо здесь, в лесах и под холмами.

Рогатый, увиденный им, по-прежнему пугал Петю. Но, не меньше боялся он и гнобов, а также загадочных муданов. Говорили, что они высокие и широкоплечие, выше и сильнее любого человека, а еще покрыты шерстью, подобной той, что имела у бурых медведей. И живут они, вроде бы, тоже в берлогах, как косолапые. Вот только на памяти Пети никто с муданами не встречался в окрестностях Дружковки.

Страх перед созданиями тьмы не давал Пете заснуть. Потому он сделал так, как научил отец. Мысленно Петя зажег в своем сердце белое пламя. И, вроде бы, у него даже получилось. Во всяком случае, представляя себе, как разгораются языки белого огня внутри сердца и начинают сверкать удивительными разноцветными искрами, он смог прогнать страх, успокоиться и заснуть.

* * *

Елисей Голованов и Федор Горелов спать так и не ложились. Они продолжали сидеть перед камином, попивая иван-чай из пиал и беседуя.

— Да, женщины теперь правят миром. Во всяком случае, нашей Сибирью. Все у нас теперь не так, как было в старину. Нам, мужикам, бабы больше не доверяют, считают, что это мы виноваты в Великой Войне и ее последствиях. Да и всю церковь тоже женщины себе забрали. Вот раньше, как дед мне рассказывал, в городах еще можно было встретить в церквях священников-батюшек, хотя и мало их оставалось. А теперь совсем их нету. Везде в наших храмах руководят одни только матушки, вроде нашей настоятельницы Ксении, — сетовал Горелов.

— А чего ты хочешь? Это все оттого, что и высшая власть у нас в Сибири женщинам давно принадлежит. Царицы нами правят уже несколько веков, с тех пор, как престолонаследование утвердили по женской линии при Евдокии Великой, — сказал другу Голованов.

— А я всегда надеялся, что основные вопросы правления все-таки до сих пор на вече

решают, — возразил Горелов.

— Так-то оно так, но последнее слово все равно остается за царицей матушкой, — проговорил Голованов. Потом добавил:

— Конечно, по Сибирскому Своду Законов, Главное Вече в столице может провозгласить отречение царицы от престола и выбрать другую вместо нее.

— Но, когда такое было? Что-то я не припомню, — пробормотал Федор.

— Читал я, что было однажды, почти четыре века тому назад, когда Мария Разнузданная попала на разврате с малолетними. Тогда заменили ее, помнится, на Екатерину Блаженную, а потом казнили на Кровавой площади, на лобном месте голову отрубили, — вспомнил Елисей.

— Ну, один раз ничего не доказывает. К тому же, давно это было. А с тех пор царицы наши не единожды безобразия разные устраивали, да на своем троне оставались до самой смерти. Да и нынешняя наша государыня святостью не отличается, — заметил Горелов. Потом добавил:

— Вот я и говорю, что бабы нами верховодят. В других странах мужики и на царстве, и в иерархах церкви, а у нас в Сибири что светскую власть взять, что церковную, — везде засилье бабья.

Тут сзади внезапно раздался женский голос:

— Вы не правы. Это не совсем так. Женщины-сибирячки лишь берут ответственность на себя по причине того, что мужчины этого давно не делают, — неожиданно в разговор вмешалась сестра Алевтина, которая тихонько вошла в помещение.

— Почему же? Вот наш староста, например, ответственности не боится, — возразил Горелов сестре Возмездия, не растерявшись.

Алевтина сказала спокойным тоном:

— И этим я приятно удивлена. Но, к сожалению, только в отдаленных местах, вроде вашей деревеньки, еще остались столь решительные мужчины. И дело даже не в том, кто правит, мужчины или женщины. Гораздо большее значение для людей имеет то, как ими управляют. А мужская власть, как мы все знаем, привела мир к Великой Войне и Катастрофе, когда вся наша планета едва не погибла. Ни одна женщина не допустила бы такое. Потому что мы — матери, которые дают жизнь. И наша природная сущность обязывает нас жизни сохранять.

— Отцы тоже участвуют, чтобы дать жизнь детям, — заметил Елисей.

Алевтина взглянула на него, прищурившись, и четко проговорила:

— Вы участвуете, и не более того. А мы вынашиваем детей и рождаем их в муках. И уже на этом основании власть должна принадлежать нам по праву. И я не вижу причин для того, чтобы лучшим представительницам женского рода отказываться от права повелевать. Это раньше вы, мужчины, были сильнее нас и могли выказывать свое превосходство. Но теперь, когда после Катастрофы в мир возвратилось то, что с древних времен звалось волшебством, некоторые из женщин оказались неизмеримо сильнее мужчин. Ведь известно, что волшебные способности передаются только по женской линии. И мне повезло быть одной из тех, кто наделен Мощью Небесного Огня, вновь посланной в мир Господом для того, чтобы люди сумели противостоять черному колдовству сподвижников Сатаны.

После этих слов Алевтина щелкнула пальцами, и свечи в массивных подсвечниках, стоящих на каминной полке, погашенные поздно вечером молодым холопом-уборщиком Васькой, вспыхнули вновь.

— Да воссияет свет! А то что-то у вас здесь темновато, — сказала сестра Возмездия, взглянув с улыбкой на удивленных мужчин.

Деревенский староста удивился не меньше своего друга, но все-таки проговорил:

— Я читал в одной старой книге, что еще при Евдокии Великой священник религии Ду, находящийся при дворе царицы, мудрый Гао Вэнь из Поднебесной Империи, предсказал перед своей смертью, что в страшный час, когда тьма обрушится на Сибирь, явится пророк, обладающий мощью неба. И он спасет всех. И этот пророк будет мужчиной.

— Мы тоже знаем об этом пророчестве. Но, увы, оно пока не сбывается, — проговорила Алевтина и поднялась по лестнице наверх, где на втором этаже гостеприимного дома находились опочивальни для важных гостей, застеленные коврами и обставленные самой настоящей городской мебелью. Обстановку для этих комнат хозяева приобретали у купцов постепенно, за многие годы. И теперь ради удобства гостей там имелись широкие кровати с мягкими пуховыми перинами, подушками и стеганными одеялами, большие шкафы для одежды и даже комоды для разных мелочей.

— Может быть, нам тоже следует пойти и вздремнуть? — предложил Федор Горелов, зевнув.

— Иди, если хочешь, поспи. А я не смогу уснуть. Знаешь, у стариков часто ночи проходят без нормального сна. Тем более, когда разнервничался. Я думаю о том, что утром на нас обрушится беда, — сказал Голованов.

— Не бери все это на себя, побереги здоровье. Груз слишком велик. Воеводу же выбрали, вот пусть он и молодые теперь решают, как пережить войну, — подсказал Горелов другу.

— Нет, Федя. Я так не могу. Не зря же меня старостой три раза подряд выбирали. Все деревенские надеются на меня. И я не в праве устраниваться от дел. Тем более, в такое время, — проговорил Елисей.

Их разговор прервал посыльный от воеводы, ворвавшийся внутрь гостеприимного дома с криком:

— Разведчики вернулись!

Оба немолодых человека поднялись из кресел перед камином одновременно и спросили:

— И какие новости?

Парень лет двадцати, которого воевода послал сообщить вести старосте, произнес:

— Слова оленеводов подтвердились. Враги приближаются к Дружковке. Идут с севера через лес. Но, двигаются не быстро.

— Сколько их? Как вооружены? — спросил Елисей Голованов.

— Разведчики насчитали пару сотен гнобов с топорами и полсотни муданов с дубинами. Гнобы еще и в латах, — доложил посыльный.

— И это все? Или только передовой отряд? — вставил и свой вопрос хозяин гостеприимного дома.

Молодой парень ответил честно:

— Да кто же знает? Пока наши разведчики вот этих тварей тьмы увидели, пересчитали их, да назад поспешили. Идут неприятели медленно, потому что ночью по лесу сквозь глубокий снег да буреломы пробираются, но сворачивать, похоже, не намерены, прямо в сторону нашей деревни двигаются напролом. Скоро уже и на поля выйдут.

* * *

Петя Илларионов проснулся от звуков колокола. В Дружковке в него ударяли редко. Но, если уж ударяли, то это всегда означало что-нибудь важное. Вот только повода, важнее, чем на этот раз, на памяти Петра еще никогда не бывало. Лишь самые старые из деревенских жителей помнили, что так непрерывно колокол в последний раз звонил лишь в дни их юности. Звонил тревожно, призывая собираться на битву с врагом.

Когда Илларионовы поднялись по тревоге, быстро одевшись и взяв свое нехитрое оружие, луки со стрелами, да ножи, другие крестьяне уже бежали занимать места на засеке для отражения неприятеля. Командовали и распределяли прибывающих по стене для предстоящей обороны Елисей Голованов и Федор Горелов, облаченные в кольчуги. И Илларионовым сразу нашлось место на дощатом нешироком дозорном помосте, идущем с внутренней стороны вдоль всего верхнего края частокола. Здесь тоже лежал снег, а доски, промороженные насквозь, скользили под ногами. Но, Илларионовы быстро расчистили себе место, чтобы занять позицию. Петя и Ваня выглядывали из-за кольев справа, поближе к главным воротам, а их мать и Глеб находились левее. Обе сестры тоже рвались в бой, но мать приказала им оставаться и оборонять дом вместе с беженками, на случай, если враги прорвутся за частокол.

Петру и его братьям еще никогда не приходилось одновременно видеть столько людей с оружием. Прямо перед ними на другой стороне замерзшей речки деревенское ополчение готовилось отразить натиск неприятеля. Мужики в кольчугах и шлемах с копьями, вилами и топорами выстраивали пехотный строй. Наиболее лихие удальцы красовались на конях, облаченные тоже, как положено: в кольчугах, в шлемах и с саблями. Они образовали подобие кавалерии, оседлав ради такого дела собственных хозяйственных лошадей, больше, конечно, приспособленных для пахоты, чем для ратных дел.

Но, воевода Еремей решил, что лучше хоть такая кавалерия, чем никакой. Сам воевода сидел не на своей лошади Смуглянке, а на коне по кличке Чернявый, которого одолжил ему староста, сказав, что отцом этого мерина был самый настоящий боевой конь. И Чернявый, действительно, выглядел статным и сильным. Вот только того, насколько конь хорошо обучен, и не подведет ли в бою, не знал никто. Хотя староста и уверял, что со своим конем иногда занимался необходимыми упражнениями ради тренировки. Сзади пехотинцев стояла шеренга тех мужчин, которые лучше всего стреляли из луков. К ним поставили с луками и тех крестьян, кто не отличался силой, или по возрасту уже не подходил для переднего края. Слева готовились к сражению олениводы, которых вызвался возглавить Афанасий Михайлов вместе со своим бойцовым котом.

Рыжик держался подле хозяина, время от времени позевывая и показывая чужакам свои страшные клыки, отчего кочевники очень побаивались нового командира. Ведь, если человек может совладать с подобным хищным животным, то уж и с любым из людей совладеет, тем более. Так олениводы для себя решили, стараясь не перечить Афанасию. А он смотрел на них свысока, сидя на своей лошади и держа в правой руке саблю. Левая его рука, когда-то лишившаяся в бою кисти, тоже не была бесполезной, потому что к ней Афанасий прикрепил круглый щит. Так что войска выстроились, готовые к сражению. А уже позади их всех, за промерзшей неширокой речкой, за зубьями частокола, оборону заняло резервное ополчение, состоящее из подростков и женщин, которых по количеству набралось никак не меньше, чем бойцов, выстроившихся перед засекой.

В набат начали бить, когда из леса показались враги. Уже давно рассвело. И вдали явственно просматривались высокие фигуры муданов, между которыми пока неясно

мельтешили низкорослые гнобы. Но, по причине значительного расстояния, рассмотреть супостатов подробно сразу не получалось. Начинался новый зимний день. После снегопада, закончившегося накануне, погода обещала быть ясной, но морозной. Сероватый снег хрустел под ногами. И люди готовились встретить врагов, чтобы убить их.

Каждый крестьянин с молодых ногтей знал, что Господь допускает лишать жизни живые существа ради пропитания. Деревенские всегда резали живность для получения мяса. В каждом хозяйстве и глава семьи, и домочадцы умели заколоть ножом и разделать курицу, свинью, козу, а то и корову. А потому все, кроме самых маленьких детей, имели представление об убийствах. Вот только на этот раз крестьянам предстояло убивать не для прокорма, а ради спасения собственных жизней. Впрочем, многие из них были готовы и к этому. Ведь почти каждый мужчина в Дружковке в пору своей молодости прошел через военную службу.

Вскоре, когда весь передовой неприятельский отряд уже выдвинулся из леса, стало понятно, что злобные твари направляются напрямиком к главным деревенским воротам. Впереди, размеренно переставляя свои мощные мохнатые ноги, шли Муданы, а за ними мельтешили на коротеньких ножках гнобы. На фоне Муданов, каждый из которых возвышался не меньше косой сажени или пяти локтей в высоту и имел ширину плеч почти в два аршина или в три локтя, гнобы казались еще более мелкими, чем в сравнении с людьми. Но, они были выносливыми карликами, потому что поверх шуб на каждом сверкали сталью латы, а поверх шапок торчали шлемы. К тому же, несмотря на маленький рост, каждый карлик шириной плеч не уступал взрослым деревенским мужчинам, а руки гнобов казались непомерно длинными.

Топоры у гнобов, да дубины у муданов. Больше, вроде бы, враги не несли с собой никакого оружия. И воевода решил атаковать кавалерией. Казалось бы, что на открытом месте в заснеженном поле такая атака сразу приведет к успеху. Вот только не учел Еремей, что кони вязли в глубоком снегу. А потому темп, необходимый для удара, лошади набрать не сумели. Да и выучка деревенских лошадей оказалась неважной. Атака захлебнулась, даже не достигнув неприятельских боевых порядков.

Лошади, завязнув в снегу, не смогли продолжить движение. И в этот момент передовой дозор муданов набросился на конников, проявив завидную прыть. Огромные двуногие лохматые существа, полностью обросшие густой бурой шерстью, похожие фигурами на людей, но только гораздо крупнее их, выше и шире в плечах, неожиданно перешли с шага на быстрый бег, чередующийся с длинными прыжками. Налетев на деревенскую кавалерию, они остервенело заработали своими длинными дубинами, сделанными из стволов молодых деревьев. И Петя с замиранием сердца увидел со своего места на частоколе, как окрасился красным цветом крови снег в месте первой стычки. Так началось сражение с тьмой возле деревни Дружковка.

Сердце у Пети упало, когда он увидел, что двое огромных мудан рванулись к его отцу. Ростом каждая из этих лохматых тварей равнялась всаднику, сидящему на лошади, да и весила, наверное, не сильно меньше, чем конь. Но, Еремей Илларионов отразил атаку. Конь старосты на этот раз не подвел Еремея, не испугавшись, а рванувшись навстречу врагам, что позволило и коню, и его седоку избежать смертельных ударов дубинами. Их концы стукнули по пустому месту, когда Чернявый резко прыгнул вперед, врезавшись грудью в одного из нападавших и повалив его в снег, а второму Еремей в этот момент отрубил правую руку.

Сабля в руках воеводы замелькала стремительно, словно крылья ветряной мельницы. Но, справа и слева от него другие всадники не смогли противостоять натиску неприятеля. Да и большинство лошадей, проваливаясь в глубокий снег, не имели возможности маневрировать, а лишь пятились назад, теряя седоков, на которых обрушивались тяжелые и длинные дубины супостатов, ломая кости и вышибая из седел. Кавалеристского наскока не получилось.

Сходу неприятеля деревенским всадникам опрокинуть не удалось. И теперь муданы брали конников в полукольцо. В битве эти лохматые и могучие человекообразные лесные жители, которых поддерживали гнобы с топорами, пока показывали себя умелыми воинами. Они откуда-то имели представление и о боевом построении, и о слаженной атаке, и о давлении по флангам, словно бы какой-то опытный военачальник управлял ими. Но, окружить всадников, застрявших в снегу, твари тьмы все-таки не сумели, потому что в бой вступила пехота. Пехотинцы деревенского ополчения, кинувшиеся на помощь всадникам, ударили слева. А олениводы рванулись в атаку на правом фланге.

Афанасий Михайлов пустил впереди себя Рыжика. И бойцовый кот прокладывал дорогу для казака по трупам врагов. Здоровенный тигр, обученный бою, ловко уворачивался от неприятельских дубин и топоров. Прыгая на врагов, он вцеплялся в горло, рвал плоть острыми когтями передних лап и выпускал кишки противникам, вспарывая их животы когтями лап задних. При этом он свирепо рычал. Страшен был зверюга, и его деяния на поле боя воодушевили олениводов, которые ринулись в бой следом за Афанасием и его котом, который больше походил на тигра, чем на кота.

Если правый фланг решительно наступал на врагов, то дела на левом фланге у ополчения не выглядели столь же блестящими. Деревенские жители не могли обеспечить такого же натиска, который организовал Афанасий Михайлов, действуя совместно со своим боевым котярой. Да и командовал крестьянскими пехотинцами толстый и неповоротливый сын мельника Ярослав Куроедов, который когда-то, лет двадцать назад, служил десятником в пограничной страже, но с тех пор ни разу не брал в руки оружие. Оттого, наверное, и командовал он нерешительно, отчего атака на фланге быстро выдохлась, превратившись в ближний бой с неприятелем, напоминающий свалку, не сулящую лихих прорывов.

Впрочем, в рукопашной деревенская пехота выдержала первый натиск. Некоторые погибли под ударами дубин муданов и топоров гнобов, но никто из крестьянских ополченцев не разбежался, ударяя в ответ саблями и топорами, да коля неприятеля копьями и вилами. Высоких муданов поддевали остриями снизу, вонзая наконечники копий и вил им в животы, да подрубая топорами и саблями ноги. А вот с гнобами такая тактика не срабатывала. Наоборот, они применяли ее по отношению к людям, очень точно попадая

своими топорами на длинных топорницах по ногам крестьянам. Причем, хорошо наточенные тяжелые гнобские топоры легко прорубали и длинные кольчуги, и кольчужные штаны ополченцев. И вскоре немало деревенских мужчин повалились в окровавленный серый снег обезноженными.

Если на правом фланге олениводы одерживали верх, тесня неприятеля, то на левом успеха не наблюдалось. Наоборот, деревенские пехотинцы пятились под вражеским натиском к берегу замерзшей речки перед частоколом. Остатки кавалерии в центре выходили из боя. Поняв с опозданием, что снег, выпавший на поле во время последнего снегопада, слишком глубок для атаки кавалерии, воевода Еремей отводил уцелевших коней обратно к воротам засеки, пока олениводы атаковали.

Несколько лошадей и их всадников остались лежать на окровавленном снегу, но большинство все-таки сумели выбраться из самой свалки. Сам воевода и несколько умелых казаков, примкнувших к нему справа и слева, сдержали неприятеля, не дав развить первоначальный успех, а атака справа отряда олениводо под предводительством Афанасия Михайлова и его кота принесла успех. Фланг темных рухнул. Убив всех муданов на своем пути, олениводы прорвались в тыл к неприятелю. И твари, рубившиеся с деревенской пехотой, вскоре оказались в окружении. А, окружив, с оставшимися муданами и гнобами быстро разделались.

Деревенские уже обрадовались победе, начав выносить с поля боя раненых и убитых, когда от леса показалась новая волна атаки. На этот раз тварей наступало в сторону Дружковки чуть ли не вдвое больше. Атакующие снова двигались молча, но неумолимо, словно бы некто невидимый заставлял их повторить атаку на деревню, закончившуюся для передового отряда тьмы погибелью. И все опять повторилось. Снова рвал врагов боевой тигр, снова олениводы кололи врагов копьями и стреляли в них из луков почти в упор, снова сошлись в рукопашную с тварями тьмы крестьяне, и снова кровь лилась на снег из ран. И потом за этой волной последовала уже третья волна атакующих.

Люди отразили и этот натиск. Но, крестьяне устали. Устали и олениводы. Многие ополченцы и кочевники, оставшиеся в строю, были ранены. У воеводы Еремея левая рука повисла плетью, у Афанасия Михайлова из-под помятого от вражеского удара шлема по лицу текла кровь, а пехотный командир Ярослав Куроедов пал в бою. Даже бойцовый кот Рыжик весь выглядел израненным и уже не выказывал былой прыти, когда началась четвертая волна вражеской атаки.

Воевода принял решение отходить с поля и биться перед главными деревенскими воротами, где ополченцев поддержат стрелами лучники с частокола. Женщины, стоявшие с луками на частоколе, видя, что ополчение отступает, начали кричать Алевтине, спокойно наблюдавшей за ходом сражения со сторожевой вышки у самых ворот, над которой трепетало на ветру знамя с белой стрелой по центру:

— Ты сестра Возмездия или кто? Почему не помогаешь нашим мужьям сражаться? Почему не применяешь против тьмы свою волошбу?

Она отвечала деревенским женщинам совершенно спокойно:

— Все к сроку. Как только он настанет, то применю все, что смогу, будьте уверены.

— И когда же твой срок настанет? Когда всех наших мужей, братьев и отцов уже перебьют эти твари? Может, ты медлишь, потому что боишься? — кричали крестьянки.

Она ответила с достоинством:

— Я сохраняю себя в состоянии равновесия, потому что выжидаю, когда подойдут те,

кто управляет атаками темных, чтобы сразиться с ними. И скоро вы сами все увидите. Обещаю, что смогу, я для вас сделаю. Но, что суждено, то произойдет. Не сомневайтесь во мне. Я, как и любая сестра Возмездия, приносила клятву Господу и готова идти на смерть ради жизни. Своими сомнениями вы только подпитываете тьму.

Если с самого раннего утра погода в окрестностях Дружковки стояла ясная, а в небе сияло зимнее холодное солнце, то чем дольше длилось сражение, тем больше небо заволакивали облака, а затем и ледяной ветер вновь начал налетать порывами. Вскоре солнце полностью скрылось за темными тучами, и на поле брани легла тень. Тут следом за очередной волной атаки темных тварей и показались на фоне леса рогатые мороки. Издалека они фигурами напоминали людей, одетых в серое. Но, людьми не были.

Несмотря на весь страх, который исходил от мороков даже на большом расстоянии, Петя старался внимательно рассмотреть их. Он заметил, что эти одноглазые твари ростом очень высокие, выше не только людей, но и муданов. Больше всего они напоминали огромных летучих мышей с козлиными рогами на головах. А те одеяния, что Петя сначала принял за серые пальто, подобные тем, в которых часто ходили холопы, оказались совсем не одеждой, а собственными крыльями тварей, в которые они и кутались, согреваясь на морозе. Понятно было и почему мороки передвигаются настолько быстро. Полноценно летать они, похоже, не умели, но, пользуясь крыльями, могли совершать почти мгновенные перемещения, вроде очень длинных прыжков без разгона, прямо с места.

Как только мороки появились на краю поля боя, муданы и гнобы снова пошли вперед. И действовали даже быстрее и слаженней, чем при прошлых попытках атак на Дружковку. Похоже, все они этих мороков боялись, хотя никакого оружия у рогатых Петя не заметил. Вот только, когда какой-нибудь из рогатых поворачивал свой желтый глаз в сторону Пети, сердце у него замирало от страха, отчего паренек впадал в оцепенение и не мог пускать стрелы во врагов из своего лука. Взгляд мороков сковывал волю.

Другие тоже боялись. Напуганные женщины голосили, а некоторые их дети подросткового возраста, стоящие плечом к плечу со своими матерями в обороне частокола, даже начинали рыдать, выпуская из рук оружие. От этого поддержка залпами стрел с частокола деревенским мужчинам, которые бились из последних сил, не давая неприятелю прорваться к воротам, уменьшалась, и враги придвигались все ближе. Тут и настал срок для атаки сестер Возмездия. Алевтина и ее боевые медведи вместе с укротительницами вступили в бой.

Когда несколько мудан и пара десятков гнобов прорвались к самым воротам, оттеснив защитников, Алевтина сделала какое-то движение руками, отчего ворота, запертые на засовы из досок и подпертые бревнами, сами распахнулись, и боевые медведи выскочили прямо со двора гостеприимного дома. Стремительно преодолев расстояние в сотню шагов, они ударили на врагов, сбивая их с ног своей массой, ударяя сильными лапами и разрывая когтями и зубами. Причем, укротительницы на своих медведях в этот момент не ехали, а находились шагов на двадцать позади них, делая какие-то движения перед собой руками в воздухе. Укротительниц было четверо, но они управляли всеми восьмью косолапыми, которые в бою показывали свой свирепый нрав. Атаковав врагов, они смели передних муданов и задавили немало гнобов, отчего враги попятнулись, а потом побежали.

Но, рогатые каким-то образом остановили бегство своего войска на краю поля и вновь развернули его в сторону Дружковки, пополнив резервами, которые за это время подошли из леса. И снова три сотни гнобов и сотня муданов побежали в атаку по трупам подобных же

тварей, которыми уже было усеяно все поле перед деревней. И в этот момент Алевтина со своей вышки начала бить вспышками молний прямо в рогатых, отчего они вспыхивали и сгорали в белом огне, тут же превращаясь в пепел. Но, их было много, а с каждой вспышкой молнии Алевтина теряла энергию, отчего каждый следующий ее удар становился слабее предыдущего.

Вот только, крестьяне, конечно, этого не знали и надеялись, что сестра Возмездия сможет перебить всех тварей. Но, этого не происходило. Ей удалось застать врасплох нескольких мороков, но остальные применили магическую защиту. Одноглазые умели отводить людям глаза и перемещаться с места на место почти мгновенно, отчего точно прицелиться у Алевтины не получалось, и она растрчивала многие свои волшебные заряды впустую.

Побоище у главных ворот частокола продолжалось, когда тьма неожиданно ударила с противоположной стороны. Деревенские командиры не учли, что мерзкие твари способны обойти Дружковку по лесу, не попадаясь никому из людей на глаза, и ударить там, где Петя с родителями въезжал с лесной дороги, ведущей от деревни к поселку шахтеров, который назывался Углешахтовск. Перед началом сражения, когда разведчики обследовали окрестности, они не обнаружили никакого движения с той стороны, что и позволило воеводе сосредоточить главные силы на одном единственном направлении главного деревенского въезда.

Вот только за те несколько часов, пока ополчение отбивалось на этом участке, твари проникли с другой стороны. Причем, они прокрались очень тихо. Меткие гнобы застрелили нескольких дозорных из своих небольших арбалетов так ловко, что охранники даже не успели поднять тревогу. С помощью мудан враги раскачали и вытащили из частокола несколько старых бревен и по одному входили внутрь сквозь прореху, начав врываться в дома, убивая топорами женщин, стариков и маленьких детей.

Конечно, новое нападение заметили довольно быстро. Еремей дал команду отходить ополчению к деревенской площади, на которой стояла часовня. Но, было уже поздно. Твари теперь напирала с двух сторон и добились успехов. И Алевтине пришлось брать командование на себя. Применив волшебство, она прокричала так громко, что ее слова слышали все люди в Дружковке, даже те, кто наглухо забаррикадировался внутри своих домов в надежде пережить битву:

— Все, кому жизнь дорога, следуйте за мной! Мы оставляем Дружковку и идем на прорыв в сторону Углешахтовска. Если не поспешим и не приложим усилия прямо сейчас, чтобы прорваться, то погибнем все! Ибо тьма окружает нас!

В этот момент несколько огромных муданов, размахивая дубинами, прорвались в ворота, а один из них нанес удар в сторону Пети, отчего паренек не удержался на мерзлых досках и полетел вниз, ударившись головой при падении и потеряв сознание. Последнее, что он запомнил, это разъяренный мудан, оказавшийся прямо напротив, от которого пахло зверем и свежей кровью.

* * *

Волшебник Даркумтан Светлый, перенесший с помощью магического амулета свою душу в тело какого-то юноши из другого мира, очнулся и обнаружил, что вокруг него враги. Впрочем, он не особенно удивился тому, что темное воинство преследовало его даже после перевоплощения. Он знал, что тьма очень коварна. Черный маг по имени Верлабадар Мрачный обладал огромной силой. Он мог отследить перенос и отправить за волшебником

погоню даже сквозь миры. Во всяком случае, прямо к Даркумтану рвались огромные существа, похожие на огров, обросшие шерстью и с дубинами в руках. А следом за ними бежали самые настоящие злые гномы в латах и с боевыми топорами. Вокруг шло сражение. Какие-то люди пытались сдержать натиск. Какая-то полноватая женщина лет сорока на вид рыдала, склонившись над ним:

— Петечка, мой хороший, пожалуйста, не умирай!

Возможно, то была мать парня, в теле которого он очутился. Но, волшебник пока точно не знал этого. Да и выяснять было некогда. Огромный огр уже замахнулся длинной и толстой дубиной, чтобы разом добить парня и убить его мать, если это она. Даже плести заклятия времени не оставалось. Усилием воли Даркумтан просто собрал из пространства всю тонкую энергию, до которой смог дотянуться, и ударил ею ближайших врагов расходящейся волной. Отчего они вспыхнули, словно бы изнутри и повалились на землю мертвыми обугленными тушами. Но и сам волшебник, не соизмерив свою мощь с неподготовленным к подобным упражнениям телом паренька, в котором очутился, впал в забытье.

А на его месте оказался я, Олег Парамонов, командир третьей разведывательной роты, лейтенант, окончивший военное училище в прошлом году и уже погибший под Донецком. Там погиб, а тут, неизвестно где, сразу оказался в теле паренька по имени Петя, над которым плакала мать. Впрочем, как только он, то есть уже я, открыл глаза и сел, она перестала плакать, а только причитала:

— Петенька, миленький, жив сыночек!

Я крутил головой, почти ничего не соображая. Причем, голова болела очень сильно, да еще и кружилась, а с разбитого лба на глаза натекала кровь. Было холодно, даже весьма морозно. Вот только поначалу я мало что мог понять из происходящего. Вокруг на сером окровавленном снегу валялись обезображенные трупы, и происходило какое-то средневековое побоище в декорациях старинной деревни, защищенной частоколом с вышками по периметру. Причем, все казалось настолько реалистичным, даже запахи, что съемки какого-то исторического кинофильма или проведение историко-реконструкторского мероприятия я исключил для себя сразу. Только что я участвовал в боевых действиях, потому мог с уверенностью сказать, что вижу не постановку, а самые настоящие кровавые события, какими бы непонятными они мне не казались.

Люди в кольчугах дрались с какими-то карликами, очень похожими на гномов из сказок, да еще и нападали на людей здоровенные чубаки с дубинами. Они напоминали персонажей из «Звездных войн», только у этих шерсть была бурая, как у медведей. Таких у нас, кажется, называли «снежный человек», но их существование никто из ученых так, вроде бы, и не доказал. А тут подобные «снежные люди» свирепствовали всюду.

Имелись здесь и самые настоящие боевые медведи, которые сражались за своих хозяев с остервенением ротвейлеров. Впрочем, вместо хозяев у них наблюдались хозяйки, симпатичные девушки в коротких шубках, в теплых меховых шапках и в штанах из овчины, да еще и в сапожках-унтах, как у народов севера. Они делали какие-то знаки руками в воздухе перед собой и выкрикивали медведям команды. И эти лесные хищники беспрекословно слушались своих дрессировщиц, не переставая кидаться на врагов, хотя и были уже изранены.

Внезапно я увидел, что ко мне направляется высокая рыжеволосая женщина в белой шубке, но без шапки. Что-то в ней было странное, даже пугающее. Там, где она проходила,

гномы и снежные люди, пытавшиеся атаковать ее, падали замертво во всполохах белого пламени. Приблизившись, она остановилась напротив меня и проговорила приятным грудным голосом, обращаясь к женщине, которая причитала рядом со мной, трогая мои окровавленные волосы и все еще рыдая:

— Я видела, как твой сын ударил врагов белым огнем. И теперь я обязана охранять его.

Но, женщина рядом со мной словно бы и не слышала рыжую, продолжая рыдать. Сквозь рыдания слышалось только:

— Ерему убили, супруга моего, кормильца нашего! Вон он лежит. Враги там, и не подойти нам туда. Не забрать его. Хорошо еще, что ты жив, Петенька.

Я взглянул в ту сторону, куда она смотрела, и увидел тело в кольчуге, из которого торчал топор на длинной ручке, врубившийся прямо в грудь. А рядом в агонии бился гнедой конь с перебитой спиной. Совершенно машинально я проговорил:

— Не плачь, мама, слезами горю не поможешь.

Хотя я совсем не понимал причин всей этой бойни, но было совершенно ясно, что люди дерутся с этими совсем не сказочными персонажами всерьез. Гномы и снежные люди, которых, как я вспомнил, называли иногда еще и йети, оказались очень кровожадными существами. Высоченные йети ловко орудовали огромными дубинами, а низкорослые гномы рубились топорами не хуже каких-нибудь злобных викингов. Творилось нечто ужасное. Люди быстро отступали, вбегая в открытые ворота под напором атакующих гномов и снежных людей.

Первая попытка подняться на ноги мне не удалась. И не только по причине головокружения, сильной головной боли и накатившей тошноты, но и потому, что с координацией движений в новом теле у меня пока явно имелись проблемы, словно бы частично парализовало. Во всяком случае, заставить свои ноги пойти я не смог. Ощущения вообще были странными. Ведь я прекрасно понимал, что это совсем не мое собственное тело, а просто душа моя в кого-то вселилась. Погиб я, да переселился душой куда-то, как в тех многочисленных идиотских книжках про попаданцев.

Но, на классическое переселение душ, как в каком-нибудь колесе сансары из индуизма, не очень походило. Моя сущность очутилась не в теле младенца, который только что родился, а в пареньке довольно взрослом. Лет шестнадцати или семнадцати этот Петя, наверное. Судя по всему, вокруг прошлое, но наше, российское, раз люди здесь общаются на чистом русском языке. Только вот странно даже, что язык настолько привычный, а не какой-нибудь старославянский. Значит, душа моя переселилась во времени совсем не так далеко, лет на полтора назад, не больше.

А что очутился именно в прошлом, я в тот момент совсем не сомневался. Только недоумевал, что если попал в какой-нибудь девятнадцатый век, то почему же тогда бьются люди с нечистью одним холодным оружием? Где же ружья? Да и откуда вся эта нечисть здесь взялась? Короче, вопросов много, а ответов мало. Возможно, что вокруг меня какой-то параллельный мир, альтернативная реальность. Но, надо привыкать и вживаться, раз я снова живой, словно и не попадал в меня снаряд. Все же лучше здесь начать жизнь заново, чем в могиле лежать и гнить. Буду приспособливаться. Тем более, что и помочь уже есть желающие. Вот, например, эта непонятная рыжая женщина в песцовой шубке, которая внимательно рассматривает меня своими огромными зелеными глазами. Верхней половиной тела Петра и его голосовыми связками я уже как-то все-таки управлял и потому, подняв глаза на рыжеволосую, жалостливо простонал:

— Пожалуйста, помогите нам поскорее, пока совсем не прикончили враги!

Рыжая наклонилась ко мне и положила руку на голову. И от ее касания боль в голове

сразу начала утихать, а тошнота отступила. И я еще больше запутался, стараясь понять, кто же она, целительница какая-то, что ли? Слишком уж ее внешность отличается от остальных здешних жителей. На лице не видно ни следов обветривания, ни морщин. Кремами какими-то мажется тетка, что ли? Да и теткой называть язык не поворачивается. Скорее, девушка среднего возраста. Лет тридцать пять, наверное. Но, сохранилась хорошо. Вот только взгляд странный, словно постоянно свысока смотрит. Впрочем, так и есть. Я же на снегу сижу и подняться не могу, потому что ноги не слушаются.

Между тем, вокруг продолжалось сражение и стоял жуткий запах горелого мяса, крови, пота и нечистот, вытекших из организмов перед смертью. Все те запахи, к которым я уже попривык на переднем крае боевых действий. Вот только мерзкой вони разлагающихся трупов, неубранных с поля боя в простреливаемых местах, пока не чувствовалось в морозном воздухе, да порохом и жженной резиной сгоревшей бронетехники не пахло, как у нас на передке. Война везде страшная, даже здесь в глухомани этой. А место, похоже, весьма отдаленное от центров цивилизации, судя по тому, что сюда даже никакого огнестрельного оружия не завезли. Что же до сказочных персонажей, так и они на пустом месте не возникают. Может, в начале девятнадцатого века где-то в отдаленных лесах России все-таки жили гномы и снежные люди, только в учебниках истории об этом почему-то написать забыли или специально не писали из каких-нибудь политических соображений, например, чтобы не разглашать факты геноцида против этих жителей леса?

Все защитники деревни уже по-видимому втянулись в ворота. И битва закипела прямо в их створе. Люди отступали, а толпу нападавших сдерживали шесть раненых медведей и один окровавленный тигр. Никогда прежде я не видел подобное, чтобы эти животные были натренированы на такой яростный бой. Они просто рвали противников зубами и когтями. Но, гномы и снежные люди все равно лезли и лезли вперед, мешая друг другу в узком пространстве между воротными створками и попадая под удары рассвирепевших хищников. Просто чудеса дрессировки!

Вдруг рыжая женщина отстранилась от меня, обернулась и резко выбросила вперед обе руки, а потом еще и крутанула ими в воздухе. И я увидел, как медведи и тигр отпрянули назад, а потом мощная вспышка, похожая на удар молнии, остановила первый ряд атакующих. И в этот момент обе тяжелые воротные створки, сколоченные из бревен, захлопнулись сами собой прямо перед носом у остолбеневших гномов, словно бы порыв ураганного ветра ударил в проем ворот. Причем, засовы из толстых досок сами собой встали на места в пазах.

«Да она какая-то колдунья, что ли?» — подумал я, когда вдруг почувствовал присутствие еще кого-то. И этот неизвестный явно пытался перехватить у меня управление телом.

— Это еще кто? — мысленно задал я вопрос.

И получил ответ:

— Это я, Петя, а ты кто такой?

— А я Олег. И я думал, что ты умер, — сказал я.

— А вот и не умер. Но, не знаю я никакого Олега, да и не понимаю, откуда ты мог взяться, — проговорил Петя. И голос его души, звучащий прямо внутри меня, казался растерянным.

— Ну, значит, познакомимся поближе. Нам же теперь вместе служить, то есть жить в одном теле придется. Так уж получилось. А почему, я тоже не знаю. Меня Олегом зовут,

фамилия Парамонов, я офицер, лейтенант воздушно-десантных войск, — представился я уже подробнее.

— Так ты вроде сотника или даже воеводы, что ли? Но, что за войска такие? — удивился Петя.

— Потом обязательно расскажу, — сказал я. И попросил:

— А сейчас давай лучше на ноги попробуем подняться.

И совместными усилиями нам с Петей удалось встать. Так и пошли дальше. Вместе в одном теле.

Едва удалось подняться на ноги и сделать пару шагов, как тут же рыжая женщина снова обратила внимание, проговорив:

— Я рада, мальчик, что тебе уже лучше. Расскажи мне, как ты сумел сделать такое?

Она повела рукой, указав на несколько обгорелых трупов гномов и снежных людей, лежащих совсем рядом с нами.

Мы с Петей ответили хором и совершенно честно, пожав плечами:

— Даже не знаю, как получилось.

— Но, ведь получилось же! Ты испепелил их белым огнем. Я сама видела, — сказала рыжая женщина.

Вот оно что! Петя еще и бесконтактным способом умеет врагов поджаривать! Или, все-таки, это я сам? Понять ничего толком не успел, потому что тут внезапно среди нас двоих внутри паренька появился некто третий, который сразу же попытался отодвинуть нас в сторону от управления телом. Дошло даже до ментальной драки, когда мы с Петей пытались бороться с ним волевыми усилиями. Посторонний был силен, но вдвоем мы все-таки кое-как сдерживали его, не давая перехватить контроль за нашим общим телом. Снаружи, наверное, все выглядело, словно падучая. Физиономию Пети перекосило гримасой, он упал на снег и весь задергался в конвульсиях.

— Ты еще кто такой? Убирайся отсюда! Нас и так уже двое в одном сознании! И мы тут раньше оказались! — возмущенно кричали мы с Петей еще одному попаданцу.

Наконец, он прекратил действовать против нас насильственно, поняв, что кроме вреда телу ничего хорошего из этого не выйдет.

— Дураки! Это я сделал так, что три души оказались в одном месте. Но, видит Создатель, я не хотел этого. Просто пробой магнитукса создал воронку в конвергентуме, куда случайно затянуло лишнюю сущность. И теперь нам нужно научиться действовать сообща. Иначе это тело перестанет слушаться, заболит и умрет.

— Так ты что, маг какой-нибудь, что ли? — выпалил я.

Он ответил совершенно серьезно:

— Я волшебник Даркумтан Светлый.

— И зачем ты так сделал? — спросил Петя.

— Выбора у меня не осталось. Спасался от гибели, — признался он.

— И что теперь? — задал вопрос я.

— Теперь предстоит как-то уживаться втроем, — подтвердил волшебник.

— Да уж, три в одном флаконе, как в дурной рекламе. Ну, раз такое дело, то будем считать, что служим вместе, наподобие экипажа в танке, — проговорил я.

— Так даже интересней и веселей, чем одному все время быть внутри себя самого, — заметил Петя.

— Надо только нам научиться мирно сосуществовать, а не драться за управление телом,

раз так уж получилось, — предложил Даркумтан.

— Научимся, куда же мы денемся с подводной лодки, — сказал я.

После чего Петя и волшебник потребовали, чтобы я про такую загадочную лодку немедленно им рассказал. Ну, я поделился информацией, вспомнив историю возникновения и развития подводного флота от примитивных субмарин до атомных, а Петя и Даркумтан не переставали удивляться. Потом волшебник долго рассказывал о своем мире, похожем на Средиземье с его вечной войной света и тьмы, населенное хоббитами, гномами, троллями, гоблинами, эльфами и прочими подобными тварями, да еще и людьми в придачу. Все это время, пока мы мирились друг с другом и рассказывали интересные истории, делаясь знаниями, снаружи наш Петя Илларионов выглядел плоховато, снова впад в бессознательное состояние после припадка.

Когда Петя очнулся, вокруг звучали команды, которые выкрикивали какие-то старики с бородами:

— Всем подняться на частокол! Сдерживать неприятеля! Пусть младшие дети подносят стрелы!

— Пришел в себя, родненький! Слава Господу! — проговорила Петина мама, которая находилась рядом.

Рядом кроме матери и рыжей особы столпились и какие-то дети. Но, благодаря тому, что мы с Петей учились обмениваться воспоминаниями, я уже знал, что это его младшие братья Глеб и Иван. Оказывается, они уже хотели унести брата на руках в дом, но тут Петя вскочил на ноги и, к удивлению всех их, полез на дозорную площадку наверху частоккола.

— Сынок, куда же ты? Только что в падучей бился. Вдруг снова упадешь? — запричитала Петина мамаша.

— Ничего, мама. Сейчас мы покажем всем этим гадам! — прокричал я, взяв управление телом на себя. Волшебник в это время даже не взбрыкивал, сообщив, что чувствует силу, он сосредоточенно готовил какое-то мощное заклинание. А сущность самого Пети, кажется, уже вполне смирилась с тем, что командовать буду я. Ну, я и раскомандовался, едва поднявшись на частоккол, закричал командирским голосом:

— Кипятите воду в котлах! Будем лить кипятком на головы врагам!

В это время гномы и снежные люди пытались преодолеть замерзшую речку, чтобы штурмовать частоккол. Штурмовых лестниц, чтобы забраться наверх, у врагов не имелось. Потому они просто карабкались друг другу на плечи, создавая значительную массу, отчего речной лед трещал под их тяжестью. Стоило полить сверху как следует кипятком, так лед и треснет окончательно. Во всяком случае, я надеялся на это.

От штурма закрытых ворот твари отказались, потому что там с вышек били молниями три укротительницы, тоже оказавшиеся волшебницами. А их боевые медведи зализывали в это время раны, расположившись с внутренней стороны ворот, готовые к тому, чтобы разорвать любого врага, который проникнет внутрь. Четвертая укротительница осматривала раны огромного тигра, который лежал поодаль. А рыжая женщина, которая все еще находилась рядом, сказала матери Пети:

— Я уверена, что с мальчиком все будет хорошо, раз у него появились силы, чтобы наверх забраться.

И мне не хотелось никого разочаровывать. Осмотревшись, я быстро оценил обстановку. Кроме штурма частоккола, враги проникли и в саму деревню. Еще одно сражение уже шло внутри нее. Там билась та часть ополчения, которая отступила внутрь деревни. На стене

частокола остались лишь женщины, подростки с луками, да старики. Но и у атакующих, похоже, дела шли не слишком хорошо. Все поле было усеяно их трупами. Вот только из леса подходили все новые отряды гномов и снежных людей, которые сразу устремлялись на штурм. А сзади них вдалеке, ближе к лесу, я заприметил еще каких-то рогатых тварей серого цвета, похожих на огромных летучих мышей, которые, взмахивая крыльями, стремительно перескакивали, меняя позиции. Этим было немного, но они, похоже, гнали в бой всех остальных, потому что вся толпа гномов и снежных людей бежала от них без оглядки прямо к деревенским воротам, а сами серые твари словно бы невидимо поддавливали сзади. Что это? Своеобразный заградительный отряд? Или просто свирепые командиры, которых настолько боятся прогневать, что предпочитают умереть в бою? Волшебник Даркумтан, услышав мои мысли, тут же ответил на этот вопрос:

— Это темные, которые с помощью своей магии страха гонят гномов и огров в атаку. Но, сейчас я разделаюсь с ними. В этом мире немного другая структура магнитукса, но я уже понял, в чем отличие и настроил заклятие на выжигание именно этой тьмы. А силы в этом месте разлиты достаточно. Хватит, чтобы спалить рогатых, ведь их всего пара десятков. Только вы с Петей передайте мне управление телом.

Мы не стали мешать волшебнику. И он ударил. Воздев руки над головой, он сделал движение, словно бы резко раздвигает шторы. И ослепительные сгустки пламени полетели от Пети веером в разные стороны. Их было ровно столько, чтобы поразить каждую из серых тварей с рогами. И упорхнуть от этих огненных шаров у рогатых на этот раз не получалось, потому что каждый огненный шар, созданный Даркумтаном, обладал самонаведением и преследовал цель до ее поражения. Убежать от такого волшебного оружия созданиям тьмы не удавалось. И каждая из рогатых тварей, как отчаянно не перепрыгивала с места на место, махая своими крыльями, покрытыми серой шерстью, вскоре задымилась, сгорев в страшных мучениях и превратившись в пепел, который ветер быстро размазал по снегу.

После гибели своих серых рогатых командиров воинство гномов и снежных людей не только отказалось от штурма деревни, но и передралось между собой. И с высоты частокола мы с радостью наблюдали, как враги убивают друг друга. Гномы подрубали топорами ноги снежным людям, а снежные люди обрушивали на их головы свои огромные дубины. И все-таки гномы победили, потому что их оказалось значительно больше. Но, победа далась им большой кровью. Даже не забрав собственных раненых, они вскоре исчезли в лесу. А те враги, которые проникли в деревню с другой стороны, сделав брешь в частоколе, были довольно быстро перебиты. Надеяться им было не на что, потому что подкрепление из леса больше не приходило. Правда, перед тем, как их уничтожили, враги, проникнув в дома, вырезали в деревне больше десяти крестьянских семей.

Глава 10

Петя совсем приуныл. Потеря отца и душевная травма, вызванная последствиями жестокого сражения и появлением в голове у паренька еще двух личностей, моей и волшебника, плохо повлияла на здоровье тела. У Пети появились симптомы, характерные при множественном расстройстве личности: провалы в памяти, потеря чувства идентичности самого себя и неадекватное поведение. Это проявлялось в парне все больше, по мере того, как управление его телом перехватывали то волшебник, то я сам.

Я помнил, что болезнь это редкая, но с давней историей. Ведь подобные случаи описывал еще алхимик Парацельс. Когда-то в той прошлой жизни, которую прервал вражеский снаряд, я мечтал стать врачом и интересовался историей медицины еще до того, как захотел в старших классах школы сделаться офицером, чтобы служить Отечеству. Диссоциативное расстройство личности — кажется так назывался диагноз, который можно было бы уверенно поставить Пете прямо сейчас. Вот только разные личности, обычно, даже не подозревают друг о друге, а сознание как бы переключает их, не смешивая между собой, словно крутит барабан в револьвере. Здесь же случай был особый, потому что все три личности не только знали о существовании друг друга но и вели между собой диалоги, обмениваясь информацией.

И чем дальше все это продолжалось, тем больше я чувствовал, что все полнее устанавливаю контроль над телом парня. Личность Пети оказалась недостаточно сильной, чтобы противостоять моему напору. Да он и не пытался противостоять, восприняв появление меня в своей голове, как обретение внутреннего друга. Волшебник Даркумтан, конечно, проявил себя личностью не менее сильной и волевой, чем я сам. Но, он не хотел внутреннего конфликта, потому что был слишком разумным и прекрасно понимал, как плохо это может отразиться на состоянии нашего общего тела. Я тоже выступал против ментальных разборок наших душ, оказавшихся внутри сознания Пети. По этой причине мы старались придерживаться договора, что каждый из нас будет управлять телом в те моменты, когда его знания и умения пойдут во благо самому Пете.

Внешне, конечно, паренек выглядел странновато. Когда происходило переключение управления телом между нашими личностями, Петя походил на эпилептика у которого дергались конечности и шла изо рта пена. И все окружающие думали, что это последствия того опасного момента, когда парень попал под удар дубины снежного человека и свалился с площадки наверху частокола. Сестра Алевтина, та самая рыжеволосая женщина, которая заявила Любе, матери Пети, что теперь обязана охранять парня и берет его под свое покровительство, пыталась лечить наложением рук. Но, она не знала истинной причины припадков. Ведь это не была болезнь, как таковая, а просто три души одновременно существовали теперь в теле паренька. Потому все, чего добивалась Алевтина, так это подкачивала тонкую энергию организму Пети. Поэтому он очень быстро выздоровел от сотрясения мозга.

Все, кто находился рядом, стали свидетелями того, как Петя резким движением разбросал вокруг огненные шары, убившие серых рогатых тварей, которых здесь называли мороками. Что и позволило одолеть гномов, которых здесь звали гнобами и снежных людей, которых тут именовали муданами. После произошедшего Петю деревенские начали считать кем-то, вроде юродивого. При его появлении все начинали шушукаться и косо поглядывать.

Парень никому не сумел объяснить, как же он смог изготовить те волшебные шары, которые убили серых тварей, принеся людям победу, когда уже всем казалось, что агрессивные жители леса скоро победят.

Конечно, Петю начали считать местным героем и даже почему-то пророком, вот только его самого, казалось, все это волновало мало. Внешне он выглядел теперь так, словно борется с недугом. Под глазами залегли серые тени, лицо похудело и заострилось, а сами глаза смотрели как-то отрешенно, словно парень больше присматривался и прислушивался к голосам внутри себя, утратив интерес к внешнему миру. Впрочем, голоса внутри Пети, действительно, имелись. Мой и волшебника. И мы старались советовать парню, но, он еще не обладал ни знаниями, ни умениями, чтобы многое из наших советов не только начать применять, но даже просто понять их. Потому и приходилось непосредственно перехватывать управление телом, что совсем не делало Петю привлекательнее для окружающих, наблюдающих приступы падучей.

Не обладая поначалу даже самым минимумом информации о том месте, куда попал, а лишь строя догадки, я постепенно узнавал кое-что о том окружающем мире, куда меня занесло. Страна эта называлась Сибирью, а вот о России здесь знали только, что есть Русское Царство, находящееся на западе, далеко за Уральскими горами. А между Сибирью и этим царством лежали другие страны, какие-то Западные ханства, раскинувшиеся от Уральских гор до границы этого самого Русского Царства.

Но, от Сибири до гор Урала путь был неблизкий, и проходил он на запад через Проклятые Пустоши, находиться в которых было опасно для здоровья. Да и Западные ханства, как говорили, давно захватила тьма. Потому в ту сторону почти никто и не ездил. И никакой прямой сухопутной дороги между Сибирью и Русским Царством не существовало. Если и надо было добраться туда, то предпочитали плыть по воде. Или северным морским путем из порта Моржовск на Холодном океане, либо южным, пролегающим из порта Каспидар, находящегося в Степном заливе на Каспийском океане. Но, южный путь был гораздо опаснее северного, потому что по северному побережью Каспийского океана располагались враждебные Степные ханства. Да, получается, что тут вместо Каспийского моря имелся Каспийский океан, а вдоль него тянулись на тысячи километров степи.

Как я представлял себе из довольно поверхностных географических знаний, которыми снабдил меня Петя, государство с названием Сибирь включало в себя лишь ту часть большой Сибири, которую у нас называли Западно-Сибирской равниной. А на востоке лежали до самого океана какие-то Проклятые Земли. Из иностранных государств Петя слышал не только о Русском Царстве, о Западных и Степных ханствах, а еще и о каких-то очень далеких странах. Далеко на востоке имелось государство Нихон, на южном берегу Каспийского океана, противоположном от Сибири, располагалась Поднебесная Империя, а где-то на дальнем западе за Русским Царством находилась Великая Жемайтия.

Здесь география казалась мне какой-то пародией на ту, к которой я привык в своей прошлой жизни. Сначала я думал, что все это выдумки недалекого сельского подростка, который и в школу никогда не ходил, довольствуясь теми знаниями, которые передали ему родители. В этой деревне с названием Дружковка так было принято, чтобы родители передавали свои знания детям без всяких посредников в виде школьных учителей. Но, чем больше я узнавал об этом мире, тем больше убеждался, что паренек ничего не выдумывает. Просто здесь когда-то прокатилась некая Великая Война, которая привела к Катастрофе в виде Второго Всемирного потопа. Учитывая эти факты, то, что я попал в прошлое нашего

мира пришлось исключить. Скорее, вокруг раскинулся нерадостный мир будущего, впавший после страшных войн и череды природных катастроф в новое средневековье. Так я понял из более осмысленных объяснений, полученных от сестры Алевтины.

Кое-что я выяснил и о ней самой. Тут, оказывается, существовало некое подобие боевых церковных орденов. Причем, эти монашеские братства были не мужскими, а женскими. Все из-за того, что в результате каких-то мутаций, вызванных чередой рукотворных и природных катаклизмов, начали рождаться девочки, обладающие магией. И это свойство стало наследоваться по женской линии. А вот мальчиков с такими свойствами почти не рождалось. Во всяком случае, появление существа мужского рода, способного к волшебству, считалось чем-то вроде исполнения древних пророчеств. Потому Петя так заинтересовал Алевтину теми трюками, которые проделал у всех на глазах его руками волшебник Даркумтан.

Я не стеснялся задавать вопросы этой женщине. Рассудив, что раз уж она пообещала охранять Петю, то пусть поделится с ним и кое-какими знаниями. Но, как я быстро понял, цель этой сестры Возмездия состояла в том, чтобы выудить знания как раз из самого Петра. Ведь она тоже являлась волшебницей, но не умела создавать подобное магическое оружие, секретом которого владел наш Даркумтан Светлый, скрывающийся под личиной Пети, как и я сам. Мы же с Даркумтаном своими секретами с Алевтиной делиться не спешили. Я, хоть и не был никаким магом, но тоже кое-чем мог быть полезен местной цивилизации. Например, знал секрет изготовления пороха и огнестрельного оружия, да и еще много чего такого, вроде электричества и паровых машин, о чем тут и не догадывались. А, если мир вокруг меня действительно представлял собой достаточно далекое будущее человеческой цивилизации, то, значит, забыли они напрочь о прежних технических достижениях за многие века.

Как я понял, не только технологических прорывов, но и научных и инженерных кадров у них не имелось. Зато местные тетки, владеющие волшебством, научились с помощью своих способностей выращивать и полностью подчинять себе хищных зверей, вроде медведей и даже тигров. И я убедился, что в этом они преуспели, еще во время сражения за Дружковку. Боевые медведи сестер ордена Возмездия представляли собой просто каких-то биороботов в медвежьем обличье, которым что прикажут, то они и делают, даже наплевав на инстинкт самосохранения. Два боевых медведя были врагами убиты, а остальные шесть весьма серьезно изранены. Потому сестры-укротительницы все свое время теперь посвящали лечению своих питомцев и заботе о них. Взяли на себя они и лечение раненого тигра, хозяин которого погиб в бою.

После атаки тьмы на Дружковку прошло несколько дней. Новых атак не последовало. Деревенские, конечно, выслали разведку, оставаясь при оружии. Но, разведчики докладывали, что гнобы и муданы ушли далеко в чащу, попрятавшись в своих норах и берлогах. А серые твари, похожие на рогатых летучих мышей с одним большим желтым глазом посередине лба, больше не появлялись. Потому постепенно в деревне занялись текущими делами.

Староста Елисей Голованов, к которому после завершения военных действий вновь вернулись полномочия самого главного на деревне, тем более, что воеводу убили, организовывал помощь пострадавшим семьям продуктами из общинных запасов. После побоища, учиненного тьмой, количество едоков в деревне уменьшилось, и теперь угрозы голода не имелось, даже если зима затянется еще на месяц. Жизнь в Дружковке с каждым днем налаживалась и потихоньку входила в привычную колею.

Сначала крестьяне хоронили убитых, потом чинили частокол, подпорченный неприятелем. Битва с тьмой погубила почти треть взрослого мужского населения деревни, а еще четверть оставила инвалидами. И сестра Алевтина почти все свое время посвящала лечению раненых с помощью волошбы, а настоятельница часовни Ксения помогала ей, как могла, да и все деревенские сестры креста принимали активное участие, оборудовав самый настоящий госпиталь из гостеприимного дома Гореловых. Но и навещать дом Илларионовых Алевтина не забывала, уговаривая мать отпустить сына Петю вместе с ней в Сибирск «на учебу», как она говорила.

Что же касается Пети Илларионова, то он занимался тем, что успокаивал братьев, сестер и маму, которые находились после смерти главы семьи в самой настоящей депрессии. И, как я понимал, они хотели, чтобы я, то есть Петя, взвалил обязанности главы семьи Илларионовых на себя. По праву старшинства так и получалось, что Петя после гибели отца оказался на месте главы семейства. Вот только ему не хотелось оставаться в Дружковке. Ведь сестра Алевтина предлагала пареньку уехать вместе с ней в столичный город Сибирск для того, чтобы там учиться и развивать собственные способности к волшебству. И это выглядело очень заманчивым предложением.

Оказывается, Петя с раннего детства тайно мечтал о далеких путешествиях и приключениях. Потому соблазн переехать в столицу для паренька был очень велик. Я тоже рвался туда, понимая, что, если где в этом мире мрачноватого будущего и смогу реализовать собственные знания и умения, так только в центре цивилизации, а не в далекой деревеньке с названием Дружковка. Волшебник тоже стремился в столицу, чтобы найти там в библиотеках умные книги, которые помогут ему разобраться в особенностях тонкой структуры этого мира. И, может быть, тогда Даркумтан отыщет возможности, чтобы расселить из Пети наши души в отдельные тела.

Как бы то ни было, вскоре решение мы все втроем согласовали внутри себя. И Петя согласился на предложение сестры Алевтины отправиться в Сибирск. Но, парень потребовал, чтобы, раз семья лишится, помимо отца, еще и старшего брата, Алевтина выплатила компенсацию за утрату кормильца. И она согласилась, высыпав на стол перед Любовью Илларионовой из кожаного мешочка целую грудку золотых монет с отчеканенным медведем, стоявшим на задних лапах, сказав Пете:

— Этой суммы хватит твоей маме, братьям и сестрам до конца жизни, чтобы не работать, лежать на печи, вкусно питаться и содержать десяток холопов, которые позаботятся о хозяйстве.

— Вот только я не стану продавать своего сына даже за такие деньги, — твердо произнесла Люба.

— Ну, матушка, позволь мне поехать учиться, если любишь меня и желаешь добра. Я обещаю тебе вернуться, когда выучусь, — проговорил Петя, который, конечно, всеми своими тремя сущностями не ожидал такой реакции от собственной матери.

— Ему еще, кроме учебы, требуется и лечение от падучей. А здесь оно невозможно. Ты же не хочешь, Люба, чтобы сын навсегда остался больным? Да и если не лечить это заболевание, то Петя скоро зачахнет и умрет. А я хочу спасти его, — высказалась Алевтина.

— Я против, не хочу, чтобы ты ехал, сынок. Но, вовсе не потому, что не люблю тебя или не желаю твоего исцеления, а из-за того, что я не доверяю этой женщине и боюсь, что она погубит тебя. Возможно, ты даже излечишься от падучей болезни, но место для матери, сестер и братьев в твоём сердце уже не останется. Ты сделаешься другим, Петя. Чужим для нас станешь. Вот этого я и опасуюсь. Потому и не желаю, чтобы ты ехал в город с Алевтиной, — объяснила Люба, обратившись к сыну.

Возможно, мать была в чем-то права, а, может быть, в ней просто заговорила женская ревность, но нам всем троим, находящимся внутри Пети, пришлось соображать, что же делать. В конце концов, мы решили, что Даркумтан применит против Любы заклинание согласия. Петя, сидя на табурете возле стола, задергался в судорогах, а изо рта брызнула слюна, когда волшебник перехватывал управление телом.

— Вот видишь, до чего ты довела мальчика? Он же разнервничался! — укоризненно проговорила Алевтина. Потом добавила, развернув свиток пергамента, который все это время держала в левой руке:

— Если подпишешь договор, что опеку над сыном до достижения им совершеннолетия передаешь мне, то отсыплю тебе еще золота. Это у вас в деревнях договариваются на словах, а в городах только свитки с подписями признают.

— Не буду я ничего подписывать. И золото твое мне не нужно. Говорят, что у сестер Возмездия золото проклятое, — упорствовала Люба.

И в этот момент Даркумтан стабилизировал состояние парня и незаметно щелкнул его пальцами под столом, послав в мать паренька заклятие согласия. Она как-то странно завертела головой, потеряла свои русые волосы, потом почесала нос и, наконец, проговорила, взглянув на Алевтину:

— Ладно, отсыпь еще столько же монет, тогда подпишу.

У сестры Возмездия все оказалось подготовлено. По-видимому, она рассчитывала и на такой вариант развития событий. Из-за ее спины вышла одна из сестер-укротительниц, подав еще один мешочек с деньгами и чернильницу.

— Вот, деньги. Ставь подпись, — проговорила Алевтина, положив мешочек с золотом перед Любой и развернув перед ней пергамент с текстом, где русским языком было написано, что Любовь Илларионова из деревни Дружковка передает своего сына Петра на попечение сестер Огненного Креста Справедливого Возмездия до достижения Петром двадцати одного года, возраста совершеннолетия.

Когда все формальности были улажены, а Петя, быстро собравшись в дорогу, попрощался с семьей, перецеловав на прощанье братьев, сестер и маму, мы выехали из Дружковки в металлических санях сестры Алевтины, похожих на лодку, поставленную на широкие полозья. Двое боевых медведей погибли в битве, но остальные, к счастью, уже оправались от ран. По причине боевых потерь, сани теперь тащила не четверка, а тройка косолапых, а еще трое хищников с наездницами составляли эскорт. Четвертая же сестра-укротительница правила медвежьей тройкой вместо кучера. Так началась для Пети и для меня с Даркумтаном дорога в Сибирск.

Больше книг на сайте - Knigoed.net